

В службе честь!

Журнал – лауреат
премии МВД России

Учредитель: Российская Федерация.
Полномочия учредителя от имени
Российской Федерации
осуществляет МВД России

Издатель: Главное командование
внутренних войск МВД России

**Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информации
Российской Федерации. Регистр. № 01420**

Главный редактор КОЛЕСНИКОВ С.С.
тел.: (495) 361-82-57

Редакционная коллегия:

АЛЕКСЕЕВ К.А., АРТЮХОВ Е.А.,
митрополит Челябинский и Златоустовский
Феофан (АШУРКОВ И.А.), БАБАЙЦЕВ С.В.,
БОЛТИКОВ В.В., ГРЕКОВ В.И.,
ДУРКАЧ Р.П., ДЮЛЬДИН С.А.,
ЕРМАКОВ П.И., КАЗАКОВ Н.Н.,
КАЛМЫКОВ Д.Д. (зам. главного редактора),
КАРПОВ Б.В., КИСЛЫЙ Ю.П., КРЫСАНОВ А.В.,
КУДРЯВЦЕВ А.Г., КУЗНЕЦОВ С.В. (зам. главного редактора),
ЛЕБЕДЕВ А.В. (зам. главного редактора),
ЛЕВКОВИЧ В.Г., МАКОЕВ Т.К.,
МИХАЛЁВ А.Н. (зам. главного редактора),
НОВОЖИЛОВ В.Ю., ПАНЧЕНКОВ В.В., ПЕТЕЛИН Н.Н.,
ПОРТНОВ С.А., РОВЕНСКИЙ П.Н.,
СОРОКИН А.К. (ответственный секретарь),
СОФРОНОВ И.Е. (зам. главного редактора),
ЧЕПЯШЕВ С.К., ЭДОКОВ А.А.

Дизайн БОЛТИКОВ В.В.

Вёрстка ИЛЛАРИОНОВА Е.Б.

Корректоры БОГДАНОВА Е.А., ГАВРИЛОВА Е.Ю.

Отдел распространения и маркетинга

тел./факс: (495) 361-83-14

e-mail: nbp-market@yandex.ru

Финансовый отдел

тел.: (495) 361-83-85

Отдел рекламы

тел./факс: (495) 361-87-27

e-mail: reklamavmvd@mail.ru

Типография

тел.: (495) 361-88-54

Сдано в набор 18.08.2012. Подписано к печати 19.09.2012.
Формат бумаги 60x90 1/8. Общий тираж изданий 15000.
Печать офсетная. Усл.печ. л. 8. Зак. № 201.

Отпечатано в типографии редакции
журнала "На боевом посту" внутренних войск
МВД России

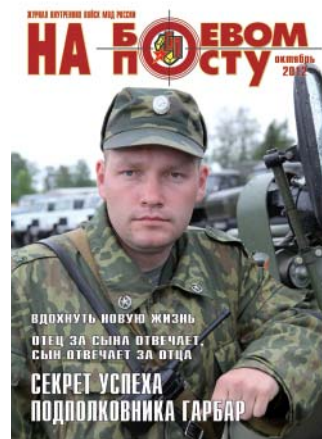
Адрес редакции: 111250, Москва, Красноказарменная, 9а

Телефоны для справок: (495) 361-81-71

E-mail: vvpost2006@yandex.ru

© Журнал "На боевом посту", 2012

**№ 10 (540)
октябрь 2012**

На 1-й странице обложки:

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

**Журнал имеет приложения:
газету "Ситуация"
и сборник
учебно-методических
материалов
"Войсковой вестник".**

При перепечатке материалов ссылка
на наш журнал обязательна.

Редакция вправе сокращать
и литературно обрабатывать принятые
к публикации тексты. Редакция может
публиковать материалы, не разделяя
точку зрения авторов. Рукописи не
рецензируются и не возвращаются.
За достоверность фактов, имён
собственных, неразглашение тайны
отвечают авторы публикаций,
за достоверность рекламных
объявлений – рекламодатели,
за качество печати – типография.
Переписка с читателями ведётся
только на страницах журнала.

Индекс для **ПОДПИСКИ** через
агентство "Роспечать" –

70 610

ТЕМА НОМЕРА

Заместитель министра внутренних дел – главнокомандующий внутренними войсками МВД России генерал армии Николай РОГОЖКИН:

"ОФИЦЕРСКОЕ СОБРАНИЕ: ПРАВИЛА ТОВАРИЩЕСТВА И УРОКИ ЖИЗНИ"

4

БОЕВАЯ УЧЁБА

8 ДО СЕДЬМОГО ПОТА

**12 "ВЗВОД ЗАРЫВАЛСЯ
В ОБЛАКА И УХОДИЛ
ПО ПЕРЕВАЛУ..."**

ОФИЦЕРЫ

**18 СЛОВО ГОСПОДА:
О СЕБЕ, О НЕБЕ, О ВОЙНЕ**

**23 ОТЕЦ ЗА СЫНА ОТВЕЧАЕТ,
СЫН ОТВЕЧАЕТ ЗА ОТЦА**

12

8

ПАМЯТЬ

36 СОФРИНО – ВИКТОРИЯ – МОСКВА...

СЛУЖБА

40 ПОЛВЕКА В СТРОЮ

ИСТОРИЯ

43 ВДОХНУТЬ НОВУЮ ЖИЗНЬ

ВЕРА

46 НА СЛУЖБУ И НА БОЙ – С ПРАВДОЙ БОЖИЕЙ

18

ОФИЦЕРЫ

**СЕКРЕТ УСПЕХА
ПОДПОЛКОВНИКА ГАРБАР**

30

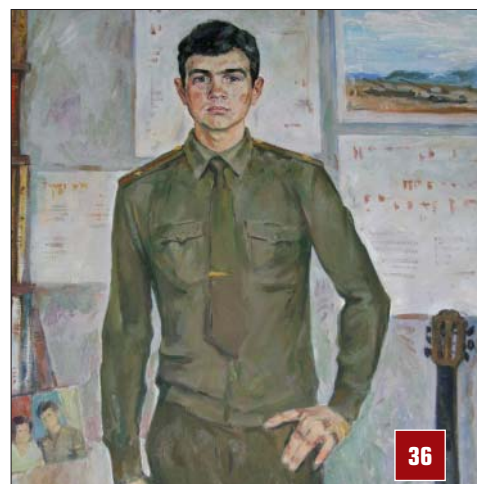
46

ЛИТЕРАТУРА

50 ЗЯБЛИКИ

60 "ШУМИТ НАД КОЛОМНОЮ
ВЕТЕР..."

62 КОРОЛЬ СМЕХА

36

Заместитель министра внутренних дел –
главнокомандующий внутренними войсками МВД России
генерал армии Николай РОГОЖКИН:

«ОФИЦЕРСКОЕ СОБРАНИЕ: ПРАВИЛА ТОВАРИЩЕСТВА И УРОКИ ЖИЗНИ»

Среди прочих важных событий 2012 года офицерское собрание внутренних войск МВД России знаменует собой новый этап укрепления и совершенствования офицерского корпуса войск правопорядка. Институт офицерских собраний, зародившийся в России более двух веков назад, был и остаётся одной из наиболее важных форм сплочения офицеров каждой воинской части, воспитания их в духе преданности Отечеству, верности воинскому долгу и традициям. О том, каким видится сегодня и завтра назначение офицерских собраний, корреспондент журнала попросил рассказать заместителя министра внутренних дел – главнокомандующего внутренними войсками МВД России генерала армии Николая Евгеньевича Рогожкина.

– Уважаемый Николай Евгеньевич, какую роль в жизни возглавляемых вами войск играет офицерское собрание, участники которого делегированы в столицу со всех концов страны – от Калининграда до Владивостока, от Мурманска до Каспия?

– Не будет преувеличением сказать, что они и есть самая настоящая войсковая офицерская элита. Ведь за каждым из делегированных в Москву офицеров стоит не только его собственная судьба, а офицерские коллективы воинских частей и соединений с их богатой историей и традициями. Значит, эти люди имеют подлинный авторитет у сослуживцев. Значит, за их словами кроется немалый опыт, столь важный сегодня для обобщения и выработки новых решений.

Офицерские собрания существуют в войсках давно, и это очень важная часть нашей повседневной жизни. Руководство Министерства внутренних дел и командование внутренних войск придают их деятельности важное значение. Это напрямую продиктовано требованиями времени и ходом реформ в войсках правопорядка.

– У офицерского собрания достаточно полномочий, чтобы ходатайствовать о серьёзном наказании военнослужащего, допустившего проступок или совершившего преступление. Но что, на ваш взгляд, важнее – жёстко и бескомпромиссно наказать провинившегося или вовремя образумить человека?

– За время своей службы в армии и во внутренних войсках я убедился, насколько действенной может оказаться воспитательная роль такой общественной организации, как офицерское собрание. Судеб там не ломают, но можно привести немало примеров, когда те или иные проступки военнослужащего, став предметом взыскательного обсуждения коллег, в корне меняли и самого человека, и его отношение к службе.

Одно дело – оценки, прозвучавшие из уст старшего начальника. Иногда молодому и слишком амбициозному офицеру они могут показаться несправедливыми или продиктованными плохим настроением командира. Но совершенно по-другому он воспринимает точно такие же претензии или замечания, высказанные в товарищеском кругу офицеров. Не найдётся человека, который не остался бы к ним безразличным.

– В понимании людей гражданских поведение офицера должно оставаться безукоризненным в любой ситуации. Но офицеры – тоже живые люди, у них разные характеры, воспитание, темперамент. Они могут проявить несдержанность, алчность, эгоизм... Что, на ваш взгляд, включает в себя это понятие – поведение, достойное настоящего офицера?

– Об этом много написано. Со своей стороны, я бы рекомендовал каждому прочесть брошюру "Советы русского офицера" полковника русской армии Валентина Михайловича Кульчицкого, выпущенную ещё в начале XX века.

Многие из этих советов актуальны и по сей день. Например, разве могут устареть такие, как:

"Сила офицера не в порывах, а в нерушимом спокойствии";

"Избегай денежных счётов с товарищами. Деньги всегда портят отношения";

"За полковыми дамами не ухаживай (в пошлом смысле). Не заводи грязь в полковой семье. Подобные романы часто кончатся трагически";

"Одевайся строго по форме и всегда чисто";

"Пусть ошибки не смущают тебя. Ничто так не поучает, как их осознание. Это одно из средств самовоспитания офицера";

"Щади самолюбие солдат. У них оно развито не меньше, чем у нас";

"Горе стране, в которой солдат, уходя со службы, уносит отвращение к солдатским рядам";

"Через ряды армии проходят все возрасты и сословия государства; через них влияние офицерского корпуса распространяется на весь народ";

"Бойся нарушить свой долг – этим навсегда потеряешь доброе имя".

Всех советов из этой книжки не перечислить. Но ясно, что писал их офицер достойный, верный своим принципам. К слову, в годы Великой Отечественной войны Георгиевский кавалер В.М.Кульчицкий, оказавшись в оккупированном Харькове, наотрез отказался сотрудничать с гитлеровцами и был ими казнён в 1942 году как непреклонный враг "нового порядка".

– В разные эпохи в офицерской среде разными были и правила поведения. В чём же заключается самое главное достоинство института офицерского собрания? Что делает его всегда современным?

– Конечно, многое из того, что было свойственно офицерским собраниям вековой давности, так и останется историей. Имеющие одним из назначений "развевать скуку гарнизонной жизни", они ещё в советское время передали часть своих функций действующим при воинских частях музеям и библиотекам, клубам и Домам офицеров, а также советам ветеранов.

Но неизменным остаётся главное назначение офицерского собрания – культивировать чувство товарищества, взаимной ответственности, человеческой искренности и благородства.

Здесь легче, чем при общении с глазу на глаз или в чисто служебном порядке, откорректиро-

вать те черты характера офицера, которые мешают ему в службе и в жизни. Атмосфера открытости и дружелюбия помогает проще переносить трудности военной профессии, без зависти равняться на лучших, реалистично оценивать свои собственные силы и возможности.

– Что ценного, на ваш взгляд, следует взять из прошлого, а какие формы наполнить, так сказать, новым смыслом?

– О воспитательной роли офицерского собрания я подробно высказался чуть раньше. Но есть ещё одна сторона его деятельности, которая и сегодня, во времена исключительной информационной открытости, по-прежнему остаётся крайне важной и очень востребованной в армейской среде.

Это – образование.

Лет сто тому назад полковые офицеры читали друг другу лекции о новинках в области тактики и вооружения, делились содержанием прочитанных книг и жизненным опытом.

В своё время, став молодым командиром взвода, я по наитию занялся тем же самым, но уже среди подчинённых. Это были совершенно разные по характерам, развитию и образованию солдаты и сержанты срочной службы. У многих из них не было за плечами даже школы-десятилетки. Сельские ребята, они имели слабое представление о вещах, которые казались очевидными их более образованным сверстникам.

Сам я с детства много читал. Был записан во все городские библиотеки, отдавая предпочтение книгам по истории и культуре. Когда принял взвод, поначалу просто время от времени рассказывал своим солдатам об известных мне памятниках истории, культуры и архитектуры. Почувствовав внимание, стал более тщательно готовиться к беседам. Старался пробудить интерес солдат к земле, на которой они проходили военную службу. Рассказывал о музеях и галереях других городов Советского Союза.

Всё это неизменно находило отклик в каждом из моих подчинённых. Исподволь в них уже чувствовалось то гармоничное сочетание боевого мастерства и высокого духа, которое отличает настоящего солдата и защитника Отечества от простого исполнителя приказов.

Так, занявшись их образованием, я понемногу приобрёл опыт воспитателя. Став воспитателем, сумел убедить солдат и офицеров в своём праве называться их командиром.

А ведь тогда мы были ровесниками...

– В небольших гарнизонах и сегодня вся жизнь на виду. В городах же уход офицера на службу даже членами его семьи часто воспринимается как обычная отработка часов в конторе или на заводе. О жизни войсковой части, где служит глава семьи, домочадцы, как правило, знают мало. Что нужно сделать, чтобы и в современном урбанизированном мире офицерские семьи не были оторваны от войсковых дел и ощущали свою принадлежность к войскам?

– Посмотрите, в правилах, регламентирующих деятельность офицерских собраний русской армии, неизменно упоминались офицерские семьи. И жёны офицеров, именовавшиеся "полковыми дамами", и дети – все обязательно были вовлечены в жизнь той воинской части, где служили их мужья и отцы. Члены семей участвовали в полковых празднествах, знали всех офицеров, помогали друг другу в трудные времена, поддерживали осиротевших в дни войны.

Точно такой же – крепкой и неразрывной – должна оставаться сегодня связь офицерских семей со своей войсковой частью и её офицерским собранием. Особенно если это семьи погибших офицеров или же офицеров, оставивших службу по ранению или болезни. Нужно принимать самое деятельное участие в решении их житейских и социальных проблем, информировать о жиз-

ни части, организовывать встречи и общие праздники.

Заинтересованным вниманием офицерского собрания и офицеров воспитательных структур должны быть окружены и дети из таких семей. Они должны иметь представление о воинской службе и по желанию приобретать её навыки.

В войсках сегодня немало офицерских династий. Поэтому легко увидеть, как на примере своих отцов подрастают сыновья-офицеры. Парни, а иногда и девушки с детства привыкают к трудностям, к укладу воинской жизни, и если уж выбирают потом судьбу военного человека, то служат всегда образцово.

– Какими качествами, на ваш взгляд, должен обладать настоящий офицер?

– Военную службу, как и всякую иную профессиональную деятельность, можно измерить по шкале профессионального мастерства. Этого, наверное, достаточно, чтобы отправиться в бой самому.

Но вот для того, чтобы подняться в бой других, настоящий офицер должен обладать качествами, присущими только цельной личности. Волей и мужеством. Честью и достоинством. Верностью Родине и верностью своим боевым товарищам.

– В уставе есть такая команда: "Товарищи офицеры!". Когда вы слышите эти слова, они воспринимаются вами только как команда или же как нечто большее, определённым образом подчёркивающее товарищество всех без исключения офицеров?

– Будучи военным человеком, я, конечно же, рефлекторно воспринимаю эти слова как команду. Но если говорить о товарищах офицерах, то, безусловно, с чувством огромной благодарности я вспоминаю строгие и доброжелательные уроки своих учителей – офицеров-фронтовиков, людей беспримерной отваги, созидательного ума и высокой культуры. Именно они и заложили в фундамент моего офицерского поколе-

ния необходимый запас прочности, который позднее пригодился мне и моим товарищам в Афганистане и в Фергане, в Нагорном Карабахе и в Сумгаите, в Чечне и других горячих точках СССР и России.

Говоря о товарищах офицерах, я вспоминаю памятные все времена бесконечных вооружённых конфликтов, офицерской неустроенности и безденежья, когда в тисках нужды нетрудно было утратить самые надёжные жизненные ориентиры.

Нередко случалось так, что вернувшиеся с войны офицеры были вынуждены подрабатывать охранниками и сторожами. Однако именно этим перетерпевшим нужду офицерам в конце концов выпала честь спасти Россию от сепаратистских и террористических угроз. К ним сегодня обращены слова моей глубокой признательности.

Говоря о товарищах офицерах, я с надеждой думаю и о тех, кто сегодня после окончания военных вузов только-только приходит на службу во внутренние войска. Многие из офицеров этой эпохи ничуть не уступают своим предшественникам: быстро растут в профессиональном мастерстве, надёжно несут службу, качественно, порой с риском для жизни решают служебно-боевые задачи на территории Северо-Кавказского региона.

Товарищество офицеров предопределено самим характером нашей военной службы. Это исключительно командная работа. Не зря говорят, что один в поле не воин...

Единство назначения, единство целей, единство жизненных принципов и даже единство судеб – вот что естественным образом создаёт товарищество офицеров, а потом делает это человеческое и офицерское товарищество неподдельным.

★
Беседовал Андрей ЭДОКОВ,
обозреватель журнала
"На боевом посту"

У него оставался последний патрон

29 августа, в День подразделений специального назначения, в Екатерининском зале Государственного Кремлёвского дворца Президент Российской Федерации Владимир Путин вручал государственные награды. Среди награждённых были заместитель командира взвода челябинского отряда специального назначения "Оберег" внутренних войск МВД России прапорщик Артём Катунькин.

...27 января 2012 года Артём вместе с сослуживцами принимал участие в специальных мероприятиях по поиску и ликвидации бандгруппы в лесном массиве в Кизлярском районе Республики Дагестан. В ходе разведывательно-поисковых мероприятий подразделения внутренних войск обнаружили тщательно замаскированную базу боевиков и вступили с ними в бой. Бандиты предприняли попытку прорваться через боевые порядки спецназовцев, забрасывали их гранатами, яростно поливали свинцом из автоматов.

Меня огневую позицию, прапорщик Катунькин заметил, что двое его товарищей получили ранения и лежат без сознания, третий, тяжелораненый, из последних сил продолжает вести ответный огонь. Боевики вот-вот могли воспользоваться сложившейся ситуацией и выскользнуть через образовавшийся коридор. Артём бросился на выручку товарищам, в ходе перестрелки огнём из своего автомата уничтожив трёх боевиков.

В том скоротечном и жестоком бою погибли четверо спецназовцев: сержант Денис Козлов, младший сержант Евгений Малов и ефрейтор Евгений Садчиков. Сержант Евгений Эпов, накрывший собой гранату, посмертно был удостоен звания Героя России.

Вот как рассказал о том бое в беседе с журналистами сам Артём Катунькин:

– 27 числа мы выдвинулись в район проведения спецоперации, к утру прибыли на место, получили задачу и приступили к поиску. Я шёл старшим головного дозора поисковой группы. Наткнулись на заросли густо растущего кустарника. Насколько было возможно, обследовали его, пройдя по краю этого лоховника. Через несколько десятков метров за спиной раздались выстрелы. Я слышал, как сбоку Женька Эпов командует своей четвёркой. Сразу же рассредоточились и заняли позиции. Вместе с ефрейтором Николаем Горбачёвым мы ушли правее места боя, закрыв фланг. Горбачёв оказался впереди меня, практически на линии огня. Одёргиваю его за ногу: "Отползай за меня". В это время в нашу сторону началась стрельба. Николай потом

скажет мне: "Спасибо, товарищ прапорщик, а то я бы остался лежать там..."

Пулемётчик ефрейтор Артём Садчиков, сориентировавшись в ситуации, стал работать в направлении противника. Бандиты предприняли попытку прорыва, ведя плотный огонь. Одна из пуль оказалась смертельной для Артёма.

В этот момент я понимаю, что сейчас боевики двинутся на меня. Затаился. Палец на спусковом крючке. Жду... Из кустов, словно ростовая мишень, появляется бородастый "дух". Дальше всё как в кино: короткая очередь – боевик упал, за ним появляются ещё двое. Очередь. Одна, вторая, третья... Готовы. Отстёгиваю магазин – пустой. Остался один патрон в патроннике. Кто знает, если бы ещё появились "духи", успел бы я сменить магазин...

За мужество и отвагу, проявленные при исполнении воинского долга в условиях, сопряжённых с риском для жизни, Указом Президента РФ от 30 мая 2012 года прапорщику Катунькину Артёму Викторовичу было присвоено звание Героя Российской Федерации.

Вручая Золотую Звезду спецназовцу внутренних войск, глава государства сказал:

– Россия всегда гордилась теми, кто способен на настоящий поступок. Речь идёт и о мирном служении, и о ратном деле. Россия всегда гордилась людьми, которыми движет совесть, честь, смелость, личное мужество.

Майор Александр КУДРЯВЦЕВ
Фото пресс-службы Президента РФ

ДО СЕДЬМОГО ПОТА

Август. Утро. В отряде специального назначения "Эдельвейс" Северо-Кавказского регионального командования идут плановые занятия по боевой подготовке. Спецназовцы под командованием капитана Фёдора Бабаева отрабатывают действия взвода в специальных адресных мероприятиях.

Пожалуй, ни одна тема не требует столь серьёзной подготовки. Здесь важна каждая составляющая военной науки. Психологическая устойчивость бойца, знание тактики, приёмов рукопашного боя, умение применять специальные средства, навыки в скоростной стрельбе на коротких дистанциях, быстрой перезарядке оружия, оказание первой медицинской помощи. И это далеко не полный перечень.

– Магазины! – кричит один из спецназовцев и тут же приседает для перезарядки оружия. Идущий за ним боец обходит его и, прикрывая, держит на прицеле свой сектор огня и сектор товарища.

– Противник! – подаёт команду руководитель занятия.

Дом содрогается от холостых выстрелов.

– Отставить! – раздаётся команда офицера. Он подходит к штурмовой группе и обращается к спецназовцам: – Второй номер, очень долго перезаряжаешь! Нужно попробовать ещё раз. Группа – на исходную!

Подполковник
Виктор БОЛТИКОВ
Фото автора

"ВЗВОД ЗАРЫВАЛСЯ В ОБЛАКА И УХОДИЛ ПО ПЕРЕВАЛУ..."

Сквозь клубы пыли силуэт человека был едва различим. Утопая в сыпучем грунте, боец упрямо взбирался по отвесной стене обрыва. Несмотря на то, что "живые" камни да песок то и дело лишали его надёжной опоры, на преодоление преграды ушли считанные секунды. Едва он скрылся за выступом пологой террасы, место на верёвочных перилах занял очередной восходитель.

Спустя пару минут уже весь взвод находился на небольшом горизонтальном плато. Несколько мгновений на перестроение – и ошестинившиеся оружием боевые тройки начали движение. Ровная площадка довольно скоро перешла

в окружённую горами котловину, а затем и вовсе превратилась в ущелье. Нависающие с обеих сторон крутые склоны – настоящий подарок противнику – сплошь зелёнка да массивные валуны. Задерживаться здесь себе дороже. Напряжение нарастало с каждым шагом, ведь приближалась развязка: либо опасный участок вот-вот останется позади, либо придётся принять бой в невыгодных условиях...

"Засада! К бою!" – Дозорный словно прочитал мои мысли. Тревожная тишина тут же сменилась яростным треском автоматных очередей. Спецназовцы методично поражали появившиеся на обоих скатах ущелья мишени...

Выполнение боевой стрельбы на тактическом фоне – лишь

небольшой эпизод в насыщенной программе горно-полевого выхода взводов армавирского и новочеркасского отрядов специального назначения, организованного в горах Кабардино-Балкарии.

* * *

Подобные учения в подготовке подразделений, предназначенных для действий в горах, – этап завершающий. Этим занятиям предшествовало обучение в пунктах постоянной дислокации и в войсковом учебном центре. Здесь же спецназовцы уже совершенствуют свои альпинистские навыки и осваивают новые виды рельефа. Причём делают они это в обстановке, которая не просто приближена к боевой, а, как признаются сами бойцы, нередко оказывается более сложной, чем при выполнении задач реальных. Такой подход руководитель горно-полевого выхода подполковник Александр Делюкин считает вполне оправданным:

– У нас накоплен немалый опыт работы в горно-лесистой местности. Что касается высокогорья, то необходимые навыки можно приобрести только здесь, а значит, использовать эту возможность мы должны максимально.

Более подробно с планом горно-полевого выхода меня познакомил заместитель руководителя сбора по горной подготовке майор Александр Тимин. Как оказалось, главной особенностью этого выхода стало увеличение количе-

ства занятий, проводимых на фоне тактической обстановки. Сложность и протяжённость маршрутов также возросли по сравнению с предыдущими выходами. Многочисленные вводные бойцы отрабатывали не только на обычных полевых занятиях, но и во время изнурительных трёх- и пятидневных перевальных походов. Учебные задачи им приходилось выполнять в самых неблагоприятных погодных условиях, на высотах от двух до трёх с половиной тысяч метров над уровнем моря. Однако обо всём по порядку.

* * *

Большинство занятий проходило в ущелье Адыл-Су и на прилегающих к нему перевалах. Район этот выбран не случайно. Здесь

простейшие туристические тропы соседствуют с самыми сложными альпинистскими маршрутами. На площади всего в пару квадратных километров можно встретить все виды природных зон – от вечных снегов до хвойного леса. Такое разнообразие ландшафта делает это место идеальным для проведения занятий с самой разной горной тематикой.

Первые две недели были посвящены закреплению пройденного, а также освоению способов движения по таким типичным для высокогорья видам рельефа, как ледники, снежники, каменистые осыпи. Помимо сложностей объективных, связанных с использованием ледового снаряжения (кошки, ледорубы), да опасностей, обусловленных самой природой, приходилось учиться ещё и передвижению в

составе довольно больших по альпинистским меркам групп, что в горах таит в себе массу опасностей.

Если на маршруте с сыпучими склонами работают одновременно хотя бы две небольшие группы, то обычно гора для всех остальных закрывается: велика опасность камнепада. Можно себе представить, с какой осторожностью должны были действовать спецназовцы, когда одновременно совершали восхождение несколько десятков человек.

Одним из самых сложных занятий стала организация ночёвки на леднике. Даже это простое на первый взгляд мероприятие на практике оказалось делом не только хлопотным, но и опасным. Важно было правильно выбрать место для ночлега. Оно должно быть недостижимо как для снежных лавин, так и для камне- и ледопадов, для которых наклонная поверхность ледника Кашкоташ создавала все предпосылки. Дело ещё и в том, что перепад температур на льду намного больше, чем на обычном скальном рельефе. Дневные три-пять градусов тепла здесь быстро сменяются десятиградусным ночным морозом. И камни, оттаивающие во время потепления и, наоборот, отколотые от скалы разбухшим льдом во время заморозков, летят вниз.

Серьёзно осложняют ночёвку идущий ото льда холод и сильный ветер. Справиться со всепроникающей стужей в гигантском естественном холодильнике, расположенном на высоте около трёх с половиной тысяч метров, можно, только утеплив палатку каменным "фундаментом" и ветрозащитным бруствером.

Проверкой полученных навыков и логичным итогом первого этапа занятий стало восхождение в составе штатных подразделений на вершину Виатау высотой 3754 метра над уровнем моря.

* * *

Во второй половине горно-полевого выхода большинство занятий проходило на фоне постоянно меняющейся тактической обстановки. Все перевальные пере-

ходы в обязательном порядке включали в себя скрытное выдвижение к месту выполнения задач, ведение разведки, устройство засад и поиск баз боевиков. Овладение перевалами проходило как в ходе обычного подъёма снизу вверх, так и путём выдвижения со стороны стоящих выше вершин. Помимо этого спецназовцам пришлось действовать по различным вводным: досматривать "заброшенные селения", переправляться через горные реки и т.д.

Работать в горах бойцам приходилось на пределе человеческих возможностей: у каждого из них вес носимого снаряжения вместе с оружием составлял не менее тридцати пяти килограмм. Добавьте сюда крутизну подъёмов, сложность рельефа, длительность переходов, недостаток кислорода и отсутствие полноценного отдыха до самого возвращения на базу.

Для того чтобы составить представление об этой тяжёлой работе, приведу краткую хронологию одного трёхсуточного переваль-

ного похода, свидетелем которого мне удалось стать во время командировки.

* * *

Выдвижение в исходный район на автомобилях началось в два часа ночи. Через сорок минут –

спешивание и затяжной монотонный подъём по узким тропам ущелья Эрикчат. Ночь как назло выдалась хоть глаз коли. Оступиться и сорваться в обрыв проще простого. Но даже на самых опасных участках бойцы страховали друг друга, не включая фонариков – выдвижение скрытное. За первые два часа

восхождения сумели подняться на пять сотен метров. Передохнуть удалось лишь за пару часов до рассвета.

Едва первые лучи солнца окрасили снежные вершины жёлтой акварелью, спецназовцы были уже на ногах. Начался поиск бандитских баз в лесу. Зимой здесь сходили лавины, поэтому работать приходилось в сплошном буреломе. Местами встречались и каменистые развалы. Поисковые группы, под-

страиваясь под местность, вынуждены были постоянно менять боевой порядок. Несколько часов кряду бойцы скрупулёзно прочёсывали зелёнку, пока всё-таки не обнаружили по едва уловимым признакам следы, ведущие к базе. В этот раз "боевики" устроились на плато, вблизи которого нет даже подобия троп. Обнаружили их по едва заметным следам от верёвки. Дальнейшее окружение, наблюдение и уничтожение "бандитов" было уже

делом техники. Такую работу представители обоих отрядов спецназа выполняют постоянно во время боевых командировок.

Вторая половина дня посвящалась переходу вверх по ущелью Ирик к месту устройства засады. Вводные по ходу движения подбрасывали не только руководители занятий, но и сама природа. Едва группы тронулись в путь, пошёл проливной дождь, временами переходящий в град. Во многих местах намеченные для движения тропы были буквально смыты потоками воды, и поиск новых маршрутов стал жизненно важным дополнением к учебному плану.

Ливень продолжался до четырёх часов утра следующего дня. В народе говорят, что хозяин в такую погоду и собаку из дома не выпустит. Однако обе группы спецназовцев провели ночь в засаде.

* * *

Первая половина следующего дня была посвящена восхождению на перевал Ассоль. Его высота в районе учений достигала трёх с половиной тысяч метров над уровнем моря. Верхняя часть маршрута находилась уже в зоне вечных снегов. Движение в связках и использование кошек в этих местах не экзотика, а жизненная необходимость.

Остаток светлого времени суток ушёл на спуск с перевала и обустройство лагеря. Опытные альпинисты не зря считают вершину покорённой не тогда, когда достигнута её верхняя точка, а когда все члены группы вернутся в базовый лагерь, потому что спуск чреват не меньшими, а иногда и большими опасностями, чем подъём. В перевальных походах дело осложняется ещё и тем, что нет обратной дороги, двигаться приходится всё время вперёд, к тому же всегда по новому пути. В этот раз большая часть маршрута проходила по леднику Чат. Угол наклона его поверхности превышал тридцать градусов. Кроме того, структура льда и снега постоянно менялась. Если в начале пути бойцы передвигались по скользящей поверхности в кошках, то ближе к подножию они уже протаптывали себе дорогу, буквально утопая по пояс в снегу.

Ночь большинство спецназовцев провели в секретях, на наблюдательных постах и в охране.

* * *

Утренняя дорога была уже вполне проходимой, но эта сравнительная лёгкость движения с лихвой компенсировалась уймой вводных. Теперь они сыпались словно из рога изобилия. Самыми популярными по-прежнему оставались поиск бандитских баз и устройство засад. Работать по-боевому спецназовцев вынуждали не только темы, но и само место проведения занятий: время от времени спецоперации ГрОУ (группы оперативного управления) по Кабардино-Балкарской республике проходят и в этом районе. И вероятность того, что учение может смениться выполнением задач боевых, сохранялась постоянно. Поэтому логичным итогом заключительного дня перехода стала боевая стрельба взводов, с описания которой я и начал свой репортаж.

★
**Подполковник
Сергей КОРЕЦ**
Фото автора

СЛОВО ГОСПОДА: О СЕБЕ, О НЕБЕ, О ВОЙНЕ

Как-то раз офицеры, ожидая в Ханкале вертолёт, заглянули в вагончики лётчиков внутренних войск:

– Не знаете, борт на Моздок сегодня будет?

– От погоды зависит.

– А прогноз есть?

– У Господа спросите!

– Мы серьёзно.

– И мы серьёзно. Полковник Господ Алексей Алексеевич – командир отдельной эскадрильи, сейчас за начальника авиационной группировки...

Из-за своей фамилии он часто попадал в курьёзные ситуации. Его сослуживцы и подчинённые говорят: лететь в одном экипаже с Господом – хорошая примета, полёт непременно будет удачным. Сам же лётчик уверен, что успех приносит вовсе не фамилия, а профессионализм и добросовестное отношение к делу.

Вся его жизнь связана с авиацией: 70 лет выслуги в льготном исчислении, боевые ордена, четыре тысячи часов, проведённых в небе... И при всём этом Алексей Алексеевич остаётся скромным и невероятно простым в общении человеком. Лётная куртка, сутуловатая фигура, добрый взгляд карих глаз из-под рыжеватых бровей. Начнёт рассказывать – заслушаешься...

ИСТОКИ

Моя фамилия происходит от украинского слова "господарь", что означает "хозяин". Предки жили на казацких хуторах под Павлоградом. Прадед по материнской линии, Афанасий Перескок, был станичным атаманом в станице Жемчужной, что в нынешней Днепропетровской области. В семейном альбоме хранится фотография, на которой он запечатлён в форменной одежде. Я долго пытался выяснить, что же это за форма. И вот однажды, когда я уже перешёл на службу во внутренние войска, один знакомый историк подсказал, что, судя по фуражке, шинели и знакам различия, мой прадед – старший урядник внутренней стражи. Вот такая связь времён получается: прадед служил в российских внутренних войсках до революции, и я

На снимке справа старший урядник внутренней стражи Афанасий Перескок – прадед полковника Алексея Господа

волею судьбы оказался в них же, продолжил, стало быть, семейную традицию.

Другой прадед, Иван Алексеевич, в числе прочих станичников в 1881 году был отправлен в Петербург и определён в лейб-гусарский Павлоградский полк, где и проходил военную службу. А прапрадед Алексей Господ воевал с мюридами Шамиля, был награждён знаком "За службу на Кавказе".

Первым лётчиком в нашей семье стал мой отец, Алексей Фёдорович Господ. Учился в фабрично-заводском училище, параллельно занимался в аэроклубе, мечтал всю жизнь посвятить небу. И судьба дала ему такую возможность.

В 1952 году в лётном училище в городе Пугачёве Саратовской области впервые набирали курс верто-

лётчиков. В дальнейшем это училище переведут в Сызрань, и оно станет главной кузницей кадров для вертолётной авиации. Учился отец на "отлично", и после выпуска его оставили инструктором в родном училище. Летали тогда на Ми-1 и Ми-4, отец одним из первых в стране освоил тяжёлый транспортный вертолёт Ми-6. Потом была служба в учебном центре в Луганске, где отец занимал должность инструктора-исследователя, разрабатывал и совершенствовал курсы подготовки лётчиков. Послужить ему довелось и

**На присяге.
За спиной курсанта
Алексея Господа –
подполковник Алексей Господ**

в Воронеже, и на Камчатке, так что всё своё детство мы с братом Володей провели в гарнизонах и на аэродромах.

Школу мы окончили на одни пятёрки. Куда идти учиться дальше, знали твёрдо – в вертолётное училище. Почему хотелось быть именно вертолётчиками, а, скажем, не истребителями? Наверное, сыграло роль убеждение отца, всегда считавшего, что за вертолётной авиацией будущее, что это самая мобильная структура, без которой невозможно развитие ни армии, ни народного хозяйства.

В училище самостоятельные полёты у нас начались на первом курсе. Это было время, когда советские войска входили в Афганистан. Помню, будучи курсантами, мы пачками писали рапорта командованию училища – просили отправить нас на войну...

АФГАНИСТАН

В Афганистан я попал в 1983 году. К тому времени окончил с золотой медалью училище и получил назначение командиром экипажа в приграничный город Броды Львовской области, в отдельный вертолётный полк, на вооружение которого только что поступили новенькие Ми-24.

Через восемь месяцев службы я улетел в Кандагар, в 280-й отдельный вертолётный полк. Помню первое впечатление от новой части. В расположении полка установлен памятник погибшим лётчикам. Смотрю: на мемориальном камне сплошь знакомые фамилии – больше двадцати лётчиков, выпускников нашего училища, погибших за три первых года войны. Думаю: "Ёлки-палки, куда я попал! Домой, наверное, уже не вернусь!" Слава богу, вернулся, хотя за 18 месяцев командировки у нас были сбиты 32 вертолёта и погибли 33 лётчика. Тогда как раз велись наиболее активные боевые действия.

Работали мы практически по всему Афгану: Кабул, Баграм, Дже-

лалабад, Панджшер... Прикрывали военно-транспортные вертолётчики во время спецопераций, сопровождали воинские колонны, участвовали в поиске и уничтожении бандгрупп. Практически ни один вылет не обходился без применения оружия. Часто вылетали на выполнение задач ночью.

Опасно было летать над населёнными пунктами. От "мирных" афганцев можно было ожидать чего угодно. Однажды мы вылетели за кабульскую ротой спецназа. Забрали их после выполнения задачи. Пара вертолётчиков Ми-8 со спецназовцами на борту шла впереди, мы их прикрывали. Внизу по дороге ехали мотоциклисты. Никто из наших не думал по ним стрелять, всё-таки мирные жители... И тут ни с того ни с сего один из мотоциклистов достаёт гранатомёт и попадает в хвост "восьмёрке". Хоро-

шо, что удалось резко её посадить. Несколько человек обгорели, но, к счастью, никто не погиб. Вот поэтому у лётчиков есть правило – на войне по возможности обходить те места, где могут встретиться люди...

Обычно раз или два в неделю мы вылетали на выполнение локальных задач, а примерно раз в два месяца проводились масштабные операции, к которым привлекалось до 150 вертолётчиков, высаживали десант одновременно до 500-600 человек, наносили удары по местам скопления душманов. Такой была, например, Панджшерская операция в апреле 1984 года.

В небе Афганистана я провёл тысячу часов, вернулся домой с орденом Красной Звезды. За что получил? Даже не знаю, как ответить... К государственным наградам обычно представляли лётчиков после ста боевых

вылетов или если человек отличился в боевой ситуации. А дальше частенько случалось так: документы уходят в штабы, там не один месяц гуляют по кабинетам, за это время пилот совершает уже более эффективные вылеты, но к новым наградам его никто не представляет, пока не будет отработано первое представление... В итоге получаешь орден за ту операцию, которую считаешь не такой уж существенной, потому что после неё были десятки более сложных вылетов, которые остались "не замеченными" командованием.

Поэтому награды – это, конечно, штука приятная, но весьма относительная, поскольку не всегда по ним можно судить об истинных заслугах и профессионализме человека...

ЧЕЧНЯ

После Афганистана я продолжил службу в Польше. Наш вертолётный полк постоянно участвовал в учениях, практически каждый день пара машин, звено или эскадрилья привлекались к каким-нибудь манёврам. Иногда в воздух поднимали всю часть, то есть 60–70 вертолётов. Сейчас такое даже трудно представить!

Через какое-то время меня назначили на должность замполита полка, а потом направили в Военно-политическую академию им.В.И.Ленина, после которой распределили в воронежскую инструкторско-исследовательскую эскадрилью, где когда-то служил отец.

В начале 1990-х началось сокращение авиационных частей Минобороны и одновременно формирование новых эскадрилий внутренних войск. Я тогда был майором, хотел служить дальше, поэтому не раздумывая перешёл в авиацию МВД. Приказ о переводе подписали 12 ноября 1994 года, а 24-го мы уже улетели в Моздок. Поначалу не понимали, для чего нас туда отправили. Активных боевых действий тогда ещё не велось. Группировку возглавлял генерал Романов. Он внушал нам, что надо держать голову холодной, что наша главная задача – максимально сохранить личный состав войск и не допустить ударов по мирному населению.

**Антонина Ивановна
и Алексей Фёдорович
с сыновьями**

11 декабря мы, как обычно, собрались вечером в моздокском общежитии у телевизора. Ведущая Светлана Сорокина завершала выпуск новостей. Она говорила, что обстановка на Кавказе искусственно нагнетается и что завтра мы, несмотря ни на что, проснёмся в мирной стране. Было смешно это слышать, потому что на завтра нам уже поставили задачу высадить десант. Но тогда мы, конечно, не понимали до конца, какой трагедией обернётся этот ввод войск.

Всерьёз чеченские события начали восприниматься, когда каждую неделю стали падать вертолёты. В первую кампанию их часто сбивали... За обеспечение ввода войск в республику я и получил свой орден Мужества. Только радоваться этому не было настроения.

Самые кровавые события на моей памяти – это Будённовск и Гудермес

в 1995-м. В Будённовске я высаживал спецназ и сопровождал колонну добровольцев, которыми прикрывался Басаев, уходя после теракта. Будённовский сценарий повторился зимой в Гудермесе. Тогда в ходе операции только за один день мы эвакуировали больше пятидесяти раненых и погибших...

Однажды меня чуть не сбили. В районе Борзоя семнадцать вертушек Минобороны высаживали десант. А наш экипаж должен был вести поиск сбитых вертолётов и вытаскивать пилотов. Смотрю, одну машину сбивают, вторая горит, лечу к месту падения, а с земли стреляют, я уворачиваюсь... Как будто целую вечность

Алексей Алексеевич Господ
в Афганистане (1984 г.)
и Чечне (2012 г.)

закончил службу начальником отдела боевой подготовки воздушной армии. И у него тоже родилась дочка. Я всем говорю, что у настоящих мужчин рождаются только девочки.

К счастью, живы и наши родители: мама Антонина Ивановна, которая всю жизнь ждала троих неутомных лётчиков, и отец Алексей Фёдорович Господ, вместе с которым у нас на троих аж 200 лет выслуги получается.

СМЕНА

Я очень рад, что сегодня служу в авиации внутренних войск. Нам на смену приходит талантливая молодёжь, хорошо подготовленные молодые лётчики.

Приведу лишь один пример. В прошлом году экипаж капитана Константина Королёва (теперь он уже майор, командир звена) вылетел прикрывать санитарный борт: в горах от полученных ран умирал боец спецназа. Вертолёты 40 минут кружили над местностью, затянутой густыми облаками. Казалось, ждать бесполезно, и "санитар" взял курс на базу. И в этот момент открылась поляна. Королёв тут же связался с командным пунктом и, получив разрешение на посадку, в течение 30 секунд забрал на борт раненого. Как только он взлетел, площадку снова накрыла густая пелена тумана. Лётчика представили к медали "За спасение погибавших".

Вообще же отрадно видеть, что молодые пилоты хотят служить, рвутся в командировки, стараются совершенствовать своё лётное мастерство. Во всяком случае, из нашей эскадрильи никто не уходит...

"Видимо, под Господом служится неплохо", – подумала я, прощаясь со своим собеседником.

Старший лейтенант
Юлия АФНАСЬЕВА

Фото автора
и из семейного альбома
полковника Алексея Господа

длился тот вылет. Медик, который был у меня на борту, потом взглянул на часы и удивился: "Надо же, – говорит, – часы встали, мы так долго летели, а стрелки почти не сдвинулись с места!" "Где же долго, – отвечаю, – всего 3-4 минуты прошло!"... В бою время совсем по-другому ощущается, каждая секунда имеет свою цену.

В первую чеченскую кампанию мы почти половину дней в году проводили в кавказских командировках. С 2000 года, слава богу, стали больше бывать дома.

Вот вы спрашиваете, хочется ли мне ездить в командировки. Конечно, нет. Но это наша работа, наша служба. И раз задачу поставили, то

её надо выполнять, даже если душа рвётся домой, где нас любят и ждут...

СЕМЬЯ

Если бы не мои любимые женщины, то не знаю, как бы я смог летать, воевать, командовать частью. Жена Татьяна, дочери Дарья и Вероника – это мой надёжный тыл, где всегда порядок.

Мой брат Владимир – тоже боевой офицер, кавалер двух орденов Мужества, заслуженный лётчик России. Он тоже воевал в Афганистане, выполнял задачи в Чернобыле, прошёл обе чеченские кампании. Двенадцать лет командовал полком,

Меликовы. Дагестан. Начало XX века

Если представить себе родовое древо Меликовых, то это, безусловно, будет одно из тех, что своей статью и прочностью уготовано лишь для самых важных человеческих дел на земле. Например, на изготовление плуга для пахоты каменистой земли. На выделку рукояти для боевого оружия или же на древко знамени, способного воодушевить бойцов в самом тяжёлом сражении.

"Маликами" арабы называли царей.

"Меликами" на Кавказе издавна именовали дворян княжеского достоинства. Меликовы сродни русским Царёвым или Князевым. Меликовых в России немало, однако, на удивление, каждый из них носит свою фамилию с такой гордостью, будто и на самом деле является она знаком рыцарских кровей и требует от её обладателя самого щепетильного отношения к вопросам чести, великодушию и личной отваге.

Военная династия Меликовых состоит из четырёх поколений офицеров. Во внутренних войсках МВД России она известна многим. Чуть ли не двумстам годам равняется общая на всех членов семьи выслуга лет. Однако простой механический подсчёт сроков военной службы вряд ли в состоянии передать, насколько самоотверженно служил и служит каждый из этих Меликовых в каждую из доставшихся им на долю исторических эпох...

ОТЕЦ ЗА СЫНА ОТВЕЧАЕТ, СЫН ОТВЕЧАЕТ ЗА ОТЦА

САМЫЙ ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР

В глазах большинства людей именно полковник Алим Нур-Магомедович Меликов является основоположником офицерской династии. Сам он прошёл во внутренних войсках МВД СССР путь от курсанта до командира отдельной бригады. Двое его сыновей стали генералами. Его погибший в бою с бандитами внук капитан Дмитрий Серков посмертно удостоен звания Героя Российской Федерации. Все другие его внуки, за исключением пока ещё двенадцатилетнего Михаила, служат офицерами

в войсках правопорядка и правоохранительных органах.

Главнокомандующим внутренними войсками МВД России генералом армии Н.Е. Рогожкиным ему вместе с полковником Василием Карповым, главой ещё одной знаменитой офицерской династии, была вручена премия имени генерала армии И.К. Яковлева.

Сушая правда, что полковник Алим Меликов, ценимый в войсках за профессионализм, надёжность и редкостное бескорыстие, обладал ещё и талантом настоящего семьянина. В их с Татьяной Николаевной семье, где со

Техник-интендант 2 ранга Нур Магомед Балович Меликов

временем зазвучали голоса родившихся сыновей, пришедших в дом невесток и появившихся на свет внуков и правнуков, всегда было много любви и тепла, взаимной заботы.

И вроде всегда было в обрез времени, которое у Алима и Татьяны занимали их военная (у Алима) и государственная (у Татьяны) служба, а воспитание мальчишек, по общему признанию родителей, чаще всего происходило по телефону. Но семья Меликовых тем не менее ладно сложилась в дружное сообщество умных, порядочных и целеустремлённых людей.

Вот это создано, безусловно, полковником Алимом Меликовым. Его руками. Его душой. Его жизнью.

Однако если и есть в семье Меликовых что-то самое сокровенное – так это единственная фронтовая фотография отца Алима – техника-интенданта 2 ранга Нур Магомед Баловича Меликова, лезгина по национальности, уроженца дагестанского села Касумкент Сулейман-Стальского района, по воле судьбы ставшего родоначальником большой и прославленной династии российских офицеров, да так и не узнавшего об этом...

О Нур Магомед Баловиче и сегодня известно не слишком много. До войны жил с женой Зарифой и детьми в Махачкале, в доме № 9 по Театральной улице, работал начальником кредитного отдела республиканского банка. Зрелый, опытный человек, успевший в юности принять участие в становлении советской власти в Дагестане и в борьбе с бандитизмом.

Эти Меликовы, касумкентские, вовсе не из знати. Скорее пахари, бравшиеся за оружие исключительно из чувства справедливости.

Сразу же после начала Отечественной войны, в 1941 году, Нур Магомед Балович Меликов был призван на военную службу в качестве бухгалтера 797-й полевой кассы Госбанка, входившей в состав 345-й стрелковой дивизии.

В ту пору воинское звание "техник-интендант 2 ранга" применялось для военно-хозяйственного и административного состава РККА и соответствовало воинскому званию "лейтенант".

Штатский, по сути, человек, он немедленно и безоглядно попал в самое горнило войны: сформирован-

ная на Северном Кавказе в 1941 году из местных уроженцев 345-я стрелковая дивизия почти до последнего человека полегла, обороняя Севастополь.

Вырвались на кораблях Черноморского флота немногие, в основном те, кто был тяжело ранен и отправлен в тыловые госпитали на излечение.

Среди них был и Нур Магомед: с ампутированной ногой он оказался в Кисловодске.

Получив об этом известие, Зарифа с одним из сыновей немедленно отправилась в госпиталь. По их воспоминаниям можно предположить, что это был располагавшийся возле вокзала санаторий "Нарзан".

Жена хлопотала, чтобы раненого мужа отпустили долечиваться в Махачкалу, но один из военврачей, ссылаясь на слабость техника-интенданта Меликова, посоветовал родным приехать позже. "Окрепнет – тогда и отпустим", – сказал он с уверенностью человека, которому вряд ли могли возразить растерявшаяся Зарифа с сыном-подростком.

Так они и поступили.

Однако, вернувшись в Махачкалу, уже через неделю услышали потрясшее всех известие: немцы захватили Кисловодск.

Эта драма семьи и сегодня переживается горько, будто случилась только вчера...

Следы Нур Магомед теряются в

Полковник
Алим Нур-Магомедович Меликов

тех августовских дней 1942 года, когда тысячи тяжелораненых бойцов и командиров, не имея возможности сражаться, оказались во власти оккупантов. Тридцать один эвакогоспиталь находился в тот момент в Кисловодске. По одним оценкам, в них оставалось 2500 раненых. По другим, более реалистичным, – не менее 5600 человек.

Сегодня можно доподлинно утверждать, что часть расстрелянных фашистами у Кольца-Горы раненых военнослужащих и медицинских работников составляли именно офицеры Красной Армии и члены ВКП(б).

Не все имена казнённых на этом месте известны, но не исключено, что Нур Магомед Балович Меликов мог оказаться в их числе.

Он был офицером. Он был коммунистом. Он был принципиальным человеком, способным противостоять врагу даже безоружным.

Меликовы, если бывают в Кисловодске, обязательно идут к обелиску, установленному на месте той трагедии.

"БУДЕШЬ КРАСНЫМ КОМАНДИРОМ..."

Родившийся в 1932 году Алим Нур-Магомедович Меликов к концу войны и в первые послевоенные годы оставался обычным пацаном, для которого голод и безотцовщина были горькой реальностью, в которой надо было ещё попробовать выжить и победить.

В Махачкале тех лет царили жёсткие нравы. Война накрыла город не только волнами беженцев, но и пеной промышлявших по тылам воров и мошенников. Только крепкий, дерзкий, предприимчивый парень мог отстоять здесь собственное достоинство, добыть кусок хлеба, утвердить авторитет.

Всё это дал молодому Алиму футбол. Ещё мальчишкой он начал играть в основном составе махачкалинского "Динамо". А заиграв по-настоящему, очень быстро получил спортивную славу и уважительное отношение болельщиков.

Как-то после одного из матчей он познакомился на трибунах с двумя офицерами-пограничниками. Восхищённые его игрой, они пригласили юношу на учёбу в своё училище, рас-

Алим и Татьяна Меликовы.
Магаданская область.
Начало 60-х годов XX в.

полагавшееся в городе Орджоникидзе (ныне Владикавказ). Поначалу отказавшись, Алим вспомнил об этом разговоре позднее, когда пришла пора выбирать судьбу понадежней футбола. Может, нравились ему зелёные фуражки пограничников, а может, именно так материализовалась вдруг последняя воля отца, высказанная то ли в шутку, то ли всерьёз незадолго до войны.

Однажды, ласково оглядев троих своих сыновей и словно давая прощальный наказ, Нур Магомед попеременно указал пальцем на каждого: "Ты, – сказал он первому, – станешь строителем. А ты, – перевёл взгляд на другого, – бухгалтером". Посмотрев на третьего, Алима, широко улыбнулся: "А ты, сын, будешь красным командиром".

И будто заглянул куда-то, где и впрямь вершатся человеческие судьбы...

Один из сыновей действительно выучился на инженера-строителя. Крупным экономистом и руководителем республиканского банка стал другой. Настоящим командиром проявил себя впоследствии и Алим: долгие годы командовал полком в Уфе и

отдельной бригадой в Одессе, был удостоен двух орденов.

Однако поначалу, приехав в Орджоникидзе, Алим обнаружил, что военное училище, которое он считал пограничным, кадры готовило исключительно для внутренних войск.

Менять решение Алим не стал. Бороться с преступностью не казалось ему зазорным. К тому же и в Орджоникидзе было вдоволь высококлассного футбола. Но там он играл за "Спартак".

Эти последние страницы юности уже вскоре сменились офицерской службой, требовавшей от Алима не только физической выносливости, но и подлинной человеческой зрелости: в 1955 году сразу после училища лейтенант Меликов был направлен в конвойную часть, дислоцированную в Магаданской области.

Для большинства россиян жизнь на золотых приисках Сусумана в 30-е и 40-е годы XX столетия – это живая иллюстрация к горьким повестям, к судьбам попавших в опалу писателей, деятелей науки и искусства, видных государственных деятелей.

После смерти Сталина и расстрела Берии эпоха незаконных репрессий была завершена. По свидетельству бывшего сослуживца Меликова по Магадану Героя Советского Сою-

за фронтовика полковника Михаила Ашика, после амнистии, объявленной 17 сентября 1955 года, в магаданских лагерях оставались лишь избежавшие расстрела бывшие гитлеровские каратели и душегубы.

Однако с последствиями былой беды Алим Меликову однажды пришлось столкнуться лицом к лицу.

Это случилось сразу же после его прибытия на Колыму.

После политинформации, которую Меликов проводил в одном из бараков, к нему подошёл пожилой человек. Представился: "Старый большевик N" – и попросил газету, которую лейтенант только что цитировал во время обзора мировых и внутригосударственных событий.

Это был смятый и уже засунутый в рукав офицерского полушубка номер "Правды".

Сразу было понятно: не на самокрутку нужна ему газета, не на растопку... Опытные и образованные, эти люди искали и находили в газетных материалах, а иногда и между строк свидетельства тех политических перемен, которые могли вернуть их к свободе.

Для них "Правда" была глотком живой воды, и почувствовавший эту жажду Меликов без слов протянул старику газету.

Он чем-то напомнил ему собственного отца, если бы только можно было представить его в подобной ситуации.

Нет, далеко не слепыми были они, офицеры конвойных частей Колымского края – фронтовики и дети фронтовиков. И у них легче стало на душе, когда "на материк" ушёл последний эшелон таких заключённых. Памятен был, например, в Сусумане день проводов на волю заслуженного, сидевшего чуть ли не с 30-х годов революционера – кажется, латышского стрелка. Облачённый в китель сталинского покроя, без единого зуба во рту (их съела лагерная цинга), он приветствовал из-за стола президиума комсомольцев района. Гордо именовал их "людьми нового дня".

И он был прав: именно такими они уже и были...

Имевшая громкую лагерную славу Колыма теперь быстро заселялась геологами, строителями, учителями – грамотной, квалифицированной молодёжью.

В клубе посёлка Сусуман Алим и познакомился с Татьяной Дружининой, молодой учительницей, приехавшей по распределению на Колыму из подмосковного Орехово-Зуево.

Вскоре она стала Меликовой.

Когда подъезжали к Бурхале, месту службы Алима, юную Таню удивило средоточие в голой степи полукруглых почти равной высоты снежных барханов. Издалека их можно было принять за уникальное явление природы. Однако при ближайшем рассмотрении загадочные бугры оказались наверху обычных, устроенных с учётом колымских морозов землянок, где обитали офицеры и их семьи. Татьяна Николаевна Меликова и сегодня может перечислить все предметы убранства землянки Алима: солдатская железная койка, печка-буржуйка, на самодельном столе – ведро стылой, подёрнутой корочкой льда воды...

Каждая семья – это всегда сочетание двух судеб, двух характеров и двух интеллектов. Поэтому каждая семья неповторима, как неповторимы и рождённые в ней дети. Выросший в многонациональной Махачкале лезгин Алим и русская Татьяна здесь олицетворяли собой обыкновенную советскую семью. Приветствуя их появление в клубе, военный оркестр всегда начинал наигрывать лезгинку. Однако на этом "национальный вопрос", облечённый в столь шуточную и даже в чём-то торжественную форму, заканчивался, так и не начавшись...

Таню же и в лезгинскую семью, где теперь главенствовала Зарифа, вдова Нур Магомеда, тоже приняли, как подобает на Кавказе: познакомили со всеми родственниками. По традиции это означало официальное подтверждение её статуса как полноправной супруги сына.

Они с Алимом вообще очень быстро стали сплочённой семьёй – любящими, словно растворёнными друг в друге людьми, которым был важен и интересен каждый прожитый вместе день.

Там, в Магадане, по настоянию Татьяны Николаевны произошло очень важное событие, определившее дальнейшую судьбу Алима Меликова.

Дело в том, что офицерам, служившим в Магадане, было довольно сложно попасть на учёбу в Военную академию имени М.В. Фрунзе. Вырывались в Москву единицы. Меликов к тому же слыл опытным офицером и самоотверженным тружеником. Поэтому все его просьбы отпустить на учёбу командирами воспринимались почти с обидой: "А кто останется работать? Ты нужен здесь!"

В какой-то момент стало понятно, что свою судьбу он должен брать в собственные руки. За плечами у него было всего лишь среднее военное училище. Без высшего образования любые командные высоты в будущем становились для него недосягаемыми.

И тогда по совету жены он пошёл учиться на юридический факультет.

Учился без отрыва от службы. Получил диплом, а со временем оказался единственным во внутренних войсках МВД СССР командиром полка и командиром отдельной бригады, не имеющим академического образования.

Но если и возникали сомнения у кадровиков, их всегда перевешивал очень убедительный аргумент: личные и профессиональные качества офицера Меликова.

Начальник внутренних войск МВД СССР генерал армии Иван Кириллович Яковлев однажды дал такую оценку комбригу одесской бригады внутренних войск: "Если бы все так командовали бригадами и полками, как это делает Меликов, все войска были бы отличными..."

За что бы ни брался он, всегда становилось ясно, что масштаб его личности настолько велик, что его с лихвой хватит на любое дело.

29 апреля 2012 года полковника в отставке Алима Меликова не стало...

Ушёл, как солдат: спокойно и мужественно.

Всего через несколько месяцев, в октябре, ему должно было исполниться 80 лет. И он до последнего мгновения звонил друзьям и знакомым, намереваясь собрать их в тесном и добросердечном кругу своей любви.

Не успел.

Но не успел лишь это – единственное...

Во всём остальном мы долго ещё будем находить следы его труда, мыслей, отзвуки его доброго смеха...

**Генерал-майор
Михаил Алимович Меликов**

**Старший лейтенант
Алим Михайлович Меликов**

**Старший лейтенант
Григорий Михайлович Меликов**

**Полковник А.Н. Меликов
с сыновьями**

СЫНОВЬЯ-ГЕНЕРАЛЫ

В 1958 году в семье Меликовых родился старший сын Михаил, в 1965 году – младший Сергей.

Отец не давал им показных уроков честности и порядочности. Он сам всегда оставался таким, и это формировало характеры сыновей. Когда сегодня говорят о Меликовых-сыновьях, то в первую очередь подчёркивают их неизменную принципиальность и умение говорить правду в любой ситуации.

Добавить к этому можно лишь то, что их суждения и оценки – это всегда продукт размышлений, тщательного анализа обстановки, сопровождаемого способностью обоих Меликовых быстро генерировать варианты эффективных действий в сложившейся ситуации.

О братьях рассказано много. И к этому трудно добавить что-то новое.

Однако, подчёркивая их самостоятельность в мыслях и поступках (каждый после школы пошёл по своему пути), остаётся всё-таки удив-

ляться схожести судеб и жизненных вех братьев.

А может, просто таким было само время, проложившее главную дорогу для всякого честного российского солдата через горячие точки Закавказья, через ополчившуюся Чечню, неустроенный офицерский быт и офицерское безденежье?

После Ленинградского Краснознамённого высшего общевойскового командного училища имени С.М. Кирова Михаил Меликов долгое время служил в десанте. Стал комбатом. Награждён медалью "За боевые заслуги".

Окончив Академию имени М.В. Фрунзе, перешёл на службу во внутренние войска МВД России. Служил в Калуге и Ярославле, прославленной ОДОН, в Новочеркасске и Санкт-Петербурге. Много и честно воевал. Будучи командиром новочеркасской дивизии оперативного назначения, в феврале 2006 года стал генерал-майором. Ряд лет являлся заместителем командующего войсками Северо-Западного округа ВВ МВД России.

И лишь потом уволился в запас.

В их с женой Ларисой семье родились, выросли и возмужали сыновья Алим и Григорий.

После окончания школы Сергей Меликов пошёл учиться в Саратовское Краснознамённое высшее военное командное училище МВД СССР имени Ф.Э. Дзержинского.

А дальше – как у многих. Горячие точки – до Военной академии имени М.В. Фрунзе, а после неё – Чечня. Служил в разведке. Участвовал во многих боевых операциях, среди которых штурм гостиничного комплекса в Серноводске – одно из ярких и по-солдатски важных событий: был ранен, награждён орденом "За военные заслуги".

В ходе одной из операций он безоглядно бросился на выручку погибавшим бойцам и вышел из боя победителем. За что в марте 1996 года получил из рук командира 7-го отряда специального назначения полковника Игоря Сёмина краповый берет.

Событие редкое, почти единичное. Но это именно та мера товарищеского уважения, которой пользуется Сергей Меликов в войсках за проявленную в бою отвагу и за умелое (хотелось бы добавить – умное) применение в боевой обстановке вверенных ему подразделений, частей, соединений и объединений.

В 33 года он стал командиром полка в Отдельной дивизии оперативного назначения МВД России. В 36 лет – возглавил это соединение.

Прославленную дивизию хорошо знают в нашей стране: шеренги её парадного расчёта, знаменую мощь и достоинство внутренних войск МВД России, всегда участвуют в военных парадах на Красной площади в Москве.

А вот то, что дивизия эта не только парадная, но ещё и боевая, известно далеко не всем. Многие её солдаты и офицеры принимали участие в борьбе с бандподпольем на Северном Кавказе, награждены орденами и медалями.

Командировки на Кавказ – дело здесь совершенно обычное.

Летом 2007 года в такую командировку улетел вместе со своими сослуживцами по отряду специального назначения "Витязь" и капитан Дмитрий Серков – приёмный сын генерал-майора Меликова и его подчинённый.

Спецназ работал в Дагестане.

Оттуда 2 августа 2007 года и пришло комдиву ошеломляющее известие: Дима погиб в бою...

После парада на Красной площади. Президент России В.В. Путин принимает доклад командира ОДОНа генерал-майора С.А. Меликова

ЧЕТВЕРО ИЗ ЧЕТВЁРТОГО ПОКОЛЕНИЯ

В жизнь Сергея Меликова Галя и её сын Дмитрий вошли неожиданно и сразу так прочно, как будто это было предопределено судьбой.

Меликов в ту пору был слушателем Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Галин первый муж и Димин отец тоже был офицером. Однако в тот день, когда Сергей понял, что Галина обязательно станет его женой, она и Димка уже жили сами по себе.

После академии они втроём уехали к новому месту службы Меликова – в лабинский полк.

Двенадцатилетний Дима сразу же потянулся к Сергею Алимовичу: с первого дня они почувствовали это возникшее между ними родство, которое со временем только окрепнет.

Сергей, доселе детей не имевший, с удивлением ощутил себя настоящим отцом. Для Димы же он навсегда останется тем человеком, по которому в последующем парень станет сверять часы собственного взросления.

А их дружная семья (со временем в ней родится ещё и Михаил, четвёр-

тый внук Алима Нур-Магомедовича) станет частью большой семьи Меликовых.

После школы Дмитрий пойдёт учиться в Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск и выберет для себя судьбу офицера подразделения специального назначения. Потом он станет служить в отряде "Витязь" – в той самой дивизии, которой командовал в то время Сергей Меликов.

Разные фамилии сыграли добрую роль: за несколько лет никто в дивизии, включая товарищей Дмитрия по службе и офицеров штаба, кроме разве что самых близких друзей Меликова, так и не догадался,

что капитан Серков является сыном комдива.

Дмитрий во всём хотел самостоятельности. Был физически крепок. Отлично бегал на длинные дистанции (его и Форрестом прозвали в честь постоянно бегущего персонажа известного кинофильма). На профессиональном уровне мог участвовать в боях без правил. Всесторонне подготовленный офицер внутренних войск, он лично участвовал в выполнении почти сотни сопряжённых с риском служебно-боевых задач. Был удостоен медали Суворова, командовал штурмовой группой.

Ему было бы невыразимо тяжело, если бы из-за родства с генералом

Генерал-лейтенант
Сергей Алимович Меликов

Лейтенант
медицинской службы запаса
Галина Анатольевна Меликова

Герой Российской Федерации
капитан
Дмитрий Серков

**Алим Меликов с сыновьями
Михаилом и Сергеем, внуками
Григорием, Михаилом и Алимом**

его начали беречь либо создавать тепличные условия. Он хотел быть на равных с теми, с кем служил и воевал в спецназе.

Он и погиб, спасая своих товарищей от неожиданно появившейся на тропе бандгруппы. Отвлекая её внимание на себя, первым открыл огонь. В какой-то момент все ответные пули бандитов летели только в него...

Но этого мгновения хватило, чтобы правильно оценив обстановку группа специального назначения смогла нейтрализовать четверых опытнейших боевиков, шедших в село для проведения теракта.

О гибели Димы, как это случается на войне, генералу Меликову сообщил один из самых близких его друзей – генерал Сергей Ченчик, находившийся в тот час в Дагестане...

Безмерно тяжела была телефонная трубка, которую поднял тогда Ченчик. Но не поднять не мог. Есть такая обязанность у настоящих друзей – говорить то, что не в силах сказать другие...

Вечной укоризной стал тот ночной бой в лесу под Карабудахкентом и для Сергея Меликова. Это он посылал Дмитрия в дагестанскую командировку. Как командир, который не мог поступить иначе. Как отец, который не может и не хочет запретить сыну быть защитником Отечества и защитником собственных убеждений.

Меликов мог бы ожесточиться. Но ни в то время, ни после в его душе не зажгётся огонь мщения.

Это свойственно тем, кто обучен быть солдатом правопорядка. Это неперенная черта тех, кто служит закону.

В 2011 году, после окончания Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенант С.А. Меликов возглавил Объединённую группировку войск (сил) на территории Северо-Кавказского региона.

Так уж получилось, что именно здесь, на Кавказе, причудливо переплелось прошлое и настоящее Меликовых. Поколение за поколением они не устают возделывать мир даже тогда, когда ради мира приходится браться за оружие.

Подвиг капитана Д.А. Серкова по достоинству оценён Родиной: 11 декабря 2007 года он удостоен звания Героя Российской Федерации посмертно. Бюст Дмитрия установлен на Аллее Славы в подмосковном городе Реутов. Золотую Звезду Диминой маме, лейтенанту медицинской службы Галине Анатольевне Меликовой, передал на хранение лично главнокомандующий внутренними войсками МВД России генерал армии Николай Рогожкин.

Гибель Димы навсегда поселила в большой семье Меликовых неизлечимую, ничем, наверное, уже неизлечимую боль. Внуком очень гордился Алим Нур-Магомедович. Не уставал повторять, что на таких, как Дима, должны походить все молодые офицеры.

Старик, он и видел, и чувствовал, что подрастает в Серкове настоящий командир.

Как, впрочем, явственно видны эти качества сегодня в других внуках полковника Меликова.

Старший лейтенант Алим Михайлович Меликов сегодня служит в правоохранительных органах России.

Старший лейтенант Григорий Михайлович Меликов командует ротой в одном из полков ОДОНа.

Лишь двенадцатилетний Миша, сын Сергея Алимовича и Галины Анатольевны, на вопрос, собирается ли он сам на военную службу, вначале глубоко, очень по-меликовски задумывается, словно боится обидеть вопрошающего легковесным или неискренним ответом. Из его суждений можно заключить, что окончательное решение он всё ещё не принял.

Но говорит он так, что всякому становится ясно: если Михаил сделает свой выбор, он будет таким же бесповоротным, как всё, что делали и делают Меликовы на этой земле.

ПЯТЫЙ ЭЛЕМЕНТ

Совсем недавно в большой семье Меликовых произошло событие, заставившее многих из них пересмотреть привычные взгляды на жизнь: впервые за сто с лишним лет в этом роду появилась девочка.

Обаятельная и голубоглазая Ульяна – дочь Григория и Ирины Меликовых. Совершенно новое поколение, олицетворяющее собой грядущие перемены в сильном мальчишеском клане.

Ульяна ещё совсем маленькая, но от неё, как от всякой женщины, уже сейчас веет покоем и умиротворением.

Меликовы стоят вокруг. Улыбаются маленькой Ульянке. Грозные для врагов, здесь они безоружны.

Судя по всему, у этого века будут её пленительные черты...

**Андрей ЭДОКОВ,
обозреватель журнала
"На боевом посту"**

Фото из семейного альбома Меликовых

ЦВЕТЫ ДЛЯ НЕРАДИВОГО СОЛДАТА

Его отец, Михаил Анатольевич, тоже служил во внутренних войсках. Уж и помотало его по городам и весям, частям и гарнизонам! А вместе с ним переезжала и семья – жена и три сынишки. Игорь родился в Орджоникидзе, а школу закончил в Республике Коми. В то время отец воёвал в Чечне, и все домочадцы ждали от него хоть какой-то весточки, очень переживали. Вот тогда парень и решил – будет военным. Позже по стопам отца и старшего брата пошли и младшие: Денис поступил в уфимскую школу МВД России, а Николай – на военный факультет Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова.

Игорь хорошо помнит, как они всем семейством собирали неподъёмные тюки с нехитрым домашним скарбом и трогались в путь – к новому месту службы отца. И снова комната в общежитии, и снова мама вешает на окна кипенно-белый тюль, а мальчишки, экономя место, стопками раскладывают на полках учебники...

Сейчас Игорь уже лейтенант, да и времена стали более стабильными. А офицеры и прапорщики его подразделения по-прежнему ютятся по съёмным квартирам, оплачивая жильё из скудного денежного довольствия. Не порядок это!

Новый офицер-воспитатель начал с того, что стал пробивать комнаты в общежитии для подчинённых. Писал рапорта, лично ходил по кабинетам начальников, обивая высокие

пороги. И добился-таки своего: четыре контрактника его роты вскоре отпраздновали новоселье! Это был первый успех офицера. Теперь люди воспринимали его не как желторотого теоретика, который, только оторвавшись от курсантской скамьи, что-то бухтит про воспитание, а как серьёзного офицера, доказавшего, что он в состоянии на деле решать насущные проблемы подчинённых.

Со временем Игорь Михайлович смог добиться главного – отношения между сослуживцами в подразделении стали доверительными. Сам он не упускал случая похвалить, поощрить контрактников за хорошую службу, часто ставил их в пример солдатам-срочникам. И те, видя, как по-человечески справедливо, но вместе с тем по-армейски требовательно

СЕКРЕТ УСПЕХА ПОДПОЛКОВНИКА ГАРБАР

В 2001 году выпускник Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России лейтенант Игорь Гарбар приезжает в подмосковную Отдельную дивизию оперативного назначения. Его ждёт назначение на должность заместителя командира роты по работе с личным составом. Офицер попадает в подразделение охраны комендантского батальона, где начальниками караулов заступают прапорщики. А они и жизненным опытом не обделены, и в военном деле собаку съели. Как молодому лейтенанту завоевать авторитет среди таких бывалых подчинённых? Сложная задача, явно не из вузовского учебника, где на последней странице всегда даётся правильный ответ. Игорь решает её самостоятельно, благо сам из семьи военнослужащего...

командование роты относится к профессионалам, всё чаще и чаще стали говорить, что хотят остаться в войсках, продолжить службу по контракту. Такие решения поощрялись и всячески стимулировались: вчерашние срочники выдвигались на должности командиров отделений, получали рекомендации для поступления в войсковые вузы. Некоторые уже носят целые "созвездия" на плечах: Евгений Савинов, Алексей Проскурин и Алексей Кармазин – капитаны, Виталий Макашкин – старший лейтенант.

Каким-то внутренним чутьём Игорь Гарбар, прослуживший на тот момент в войсках, как говорится, без году неделю, мог определить в молодом солдате задатки будущего командира, лидера. Однажды у него произошёл жёсткий спор с психологом

подразделения относительно старшины Сергея Рыжова.

– Не нужно заключать с ним контракт, не подойдёт он для армейской службы, – уверял офицера психолог.

– А я тебе говорю, он способный. Рыжов трудяга, каких поискать. – Лейтенант был непреклонен. – Возьму его под личный контроль.

И что же? Сейчас капитан Сергей Рыжов – начальник группы по работе с личным составом одной из частей Отдельной дивизии оперативного назначения. И на службе у него всё в порядке.

Все офицеры, о которых говорилось выше, помнят, какие методы воспитания практиковал их первый замполит лейтенант Гарбар. Основным из них был принцип личной ответственности. Один из солдат, на-

пример, следил за оборудованием и порядком в бытовой комнате, другой отвечал за полку с книгами в ротной библиотеке. И даже цветы, которые стояли на окнах в казарме, не оставались без персонального внимания кого-нибудь из бойцов. А если какой-то цветок подсыхал и выглядел неважно, Гарбар приносил в роту ещё один горшочек с растением.

– Теперь ты отвечаешь за два цветка, – спокойно говорил он нерадивому "цветоводу", – а я наблюдаю, как ты с этим справишься. И сделаю выводы.

Поверьте, через какое-то время оба растения расцветали буйным цветом.

Лейтенант Гарбар оказался въедливым в мелочах, но большое дело делал с размахом. Он сразу начал

работать по принципу "доверяй, но проверяй". Эта простая схема выручала его не раз и на первой должности, и тогда, когда в 2004 году он стал командиром роты.

КАК ПОБОРОТЬ СТРАХ И ОБУЗДАТЬ ФАНТАЗИЮ

Личный состав его подразделения нёс службу по охране базы артиллерийского вооружения дивизии. Ежедневно в караул выделялось около 30 человек, и командир лично проверял готовность каждого.

Однажды у запретной зоны охраняемого объекта стали происходить непонятные вещи. Как-то раз рядовой Владимир Карлов доложил начальнику караула, что около ограждения появились неизвестные люди и предлагали ему деньги за то, чтобы он пропустил их внутрь. В доказательство своих слов он указал на сторублёвую купюру, оставленную на колючей проволоке. Солдата похвалили, на построении поставили в пример сослуживцам.

Прошла неделя. И снова рядовой Карлов докладывает: пост обстреляли. И хотя недалеко от колючки действительно нашли стреляные гильзы от мелкашки, Гарбар почему-то засомневался в правдивости слов бойца и решил лично переговорить с ним, что называется, с глаза на глаз, выяснив все подробности происшествий. Разговор был долгим, и в конце концов парень раскололся: да, это он сам прицепил сторублёвку к колючей проволоке, да, какие-то мужики действительно стреляли в лесополосе, но не в сторону охраняемого объекта, а по пустым консервным банкам.

— Ну и зачем ты выдумывал все эти небылицы? — спросил пристыженного солдата ротный.

— Хоть какое-то развлечение... Скучно на посту было, — опустив голову, тихо ответил рядовой.

А не разберись офицер в ситуации, неизвестно, что в дальнейшем могло случиться в карауле, куда могла завести фантазия бойца, решившего таким вот необычным образом завоевать авторитет у сослуживцев...

Выполняя поставленную задачу, часовой должен думать только о службе, быть предельно собранным и внимательным. Об этом Игорь Гарбар не устаёт повторять подчинённым. А если у юноши не сложились отношения в коллективе, если он часто ходит подавленный, чем-то удручённый? Как в таком состоянии ему выходить на пост? Что делать командиру в этом случае? Настаивать, убеждать, заставить, ссылаясь на необходимость несения службы? Или найти какую-то альтернативу, подыскать лучшее применение способностям такого солдата? Как, например, произошло с рядовым Ильёй Фокиным...

Представьте: парень двухметрового роста, настоящий богатырь сидит на кровати в казарме и... плачет! Причём случалось это не раз и не два. Игорь Михайлович вызвал его к себе.

— Послушай, у тебя же кулак размером с мою голову. Ты что, боишься, что тебя обидят?

— Нет, — срывающимся голосом ответил солдат. Глаза его увлажнились, и огромные, как горошины, слё-

зы покатались по щекам. – Я боюсь, если ударю кого, то покалечу...

Гарбар сначала опешил, потом задумался.

– Ну и что мне делать с тобой? – Перед ним сидел большой ребёнок, добрый и наивный, нуждавшийся в психологической помощи и моральной поддержке. Ротный понимал, что нотациями эту ситуацию не переломить. Здесь надо придумать что-то особенное.

– А давай попробуем вот что. – Игорь Михайлович внимательно смотрел на стоявшего перед ним великана. – У нас есть старый кинологический городок, со дня на день там

– Так точно! – Впервые нечто похожее на огоньки радости загорелось в глазах Ильи...

За два года Фокин дослужился до командира отделения, на его могучие плечи легли погоны старшего сержанта. Офицер пристально следил за жизнью и отношениями солдат и точно знал, что Семёнова за всё время службы никто пальцем не посмел тронуть. Попробуй-ка, когда у него такой защитник!

Когда друзья увольнялись в запас, они пришли к своему командиру, благодарили. И ротный с удовлетворением отметил, как оба они возмужали...

ного батальона, где служили люди, прошедшие обе чеченские кампании.

Как же многому он научился у этих немногословных мужчин, которые так напоминали ему отца! Михаил Анатольевич никогда не рассказывал сыновьям о войне, хотя те знали, что их батя был в самом пекле, когда шёл штурм Гудермеса. Игорь всегда чувствовал в отце какую-то скрытую силу, также как сейчас ощущал её в своих новых сослуживцах. Эти люди понимали друг друга без слов, любая задача здесь выполнялась "на раз", даже если это не касалось боевой работы.

начнётся ремонт – будут переделывать вольеры. Силища у тебя о-го-го, ты и сломать, что надо, сможешь, и доски подтащить. Поработаешь там. Согласен?

Солдат, всё ещё шмыгая носом и утирая кулачищем слёзы, закивал головой.

– И вот ещё что, – ротный улыбнулся. – Отправлю-ка я с тобой рядового Семёнова. Видел, какой он у нас маленький да щупленький?

– Ага...

– Так вот, Илья Муромец, ставлю тебе задачу – защищать его, чтобы никто не посмел обидеть парня. Понял?

ПОНИМАТЬ ДРУГ ДРУГА БЕЗ СЛОВ

Два года подряд по результатам служебно-боевой деятельности подразделение капитана Гарбар занимало первое место в батальоне. В 2006 году офицер стал лучшим командиром роты во внутренних войсках по результатам ежегодного конкурса полевой выучки. Игорю Михайловичу досрочно присвоили звание майора.

В 2007 году он пошёл на повышение – стал начальником штаба сапёр-

Однажды в батальон пришёл приказ: навести порядок на складе артиллерийской базы. "Хоть бы за две недели управились", – судачили между собой дивизионные начальники. Сапёры же выполнили задачу за три дня.

Дело спорилось, потому что между людьми был лад.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

В 2009 году Игорь Гарбар стал командиром оперативного батальона. Теперь он отвечал за всё – и за боевую подготовку, и за воспитание личного состава. К злостным нарушите-

лям воинской дисциплины молодой комбат применил простой, но эффективный метод воспитания – стал действовать через солдатских родителей. Если, к примеру, в ходе занятий по строевой подготовке рядовые Фёдоров и Копылов затевали словесную перепалку, которая потом переходила в потасовку, в батальон приглашали их отцов и матерей (благо что и у того, и у другого они жили недалеко). В комнате информирования родители садились друг против друга и вместе с излишне эмоциональными детьми выясняли, что же на самом деле произошло. Отговорки типа "а он первый начал" не проходили. Бывало, что и мамы поначалу разговаривали между собой на повышенных тонах. Но потом здравый смысл брал верх. Случалось, пошумят папы и мамы, а потом обменяются телефонами и становятся приятелями, вместе своих чад контролируют.

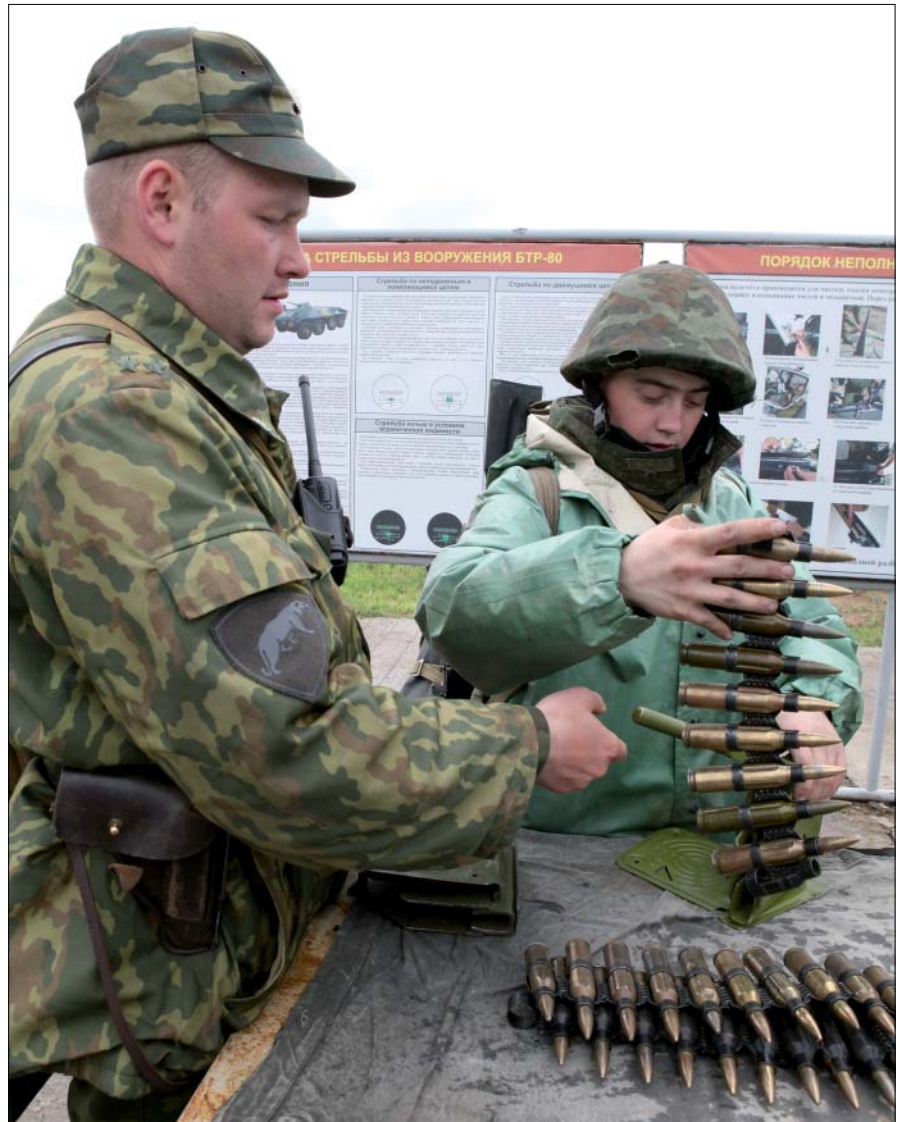
А вот что делать, если один из повздоривших солдат из Твери, а другой, скажем, из Новосибирска? Был у комбата и такой случай. Тогда родительница того солдата, что живёт ближе к столице, приезжала в часть и из кабинета командира батальона разговаривала с Сибирью по телефону, выведя его на громкую связь.

Но есть ли метод воспитательной работы, который может стать панацеей от всех бед? Пройдя путь от заместителя командира роты по работе с личным составом до комбата, Игорь Михайлович понял: ни один из них не является универсальным. Сегодня он пытается внушить офицерам ротного звена, что главная опасность, которая поджидает командира в его работе с подчинёнными – формальный подход.

Бывает так: командир роты вроде бы всё делает правильно, по уставу применяет весь комплекс воспитательных мер, а в подразделении происходит то одно, то другое правонарушение. И виноваты в этом, по мнению ротного, только солдаты. Они, мол, никакому обучению и воспитанию не поддаются, не понимают или не хотят понимать сложности задач, возложенных на подразделение. Комбат про себя отмечает: такого офицера нужно самому постоянно контролировать. А в личной беседе говорит ему:

– Солдат не сапог, у него душа живая, и нужно внимательнее к ней относиться. И вообще, надо быть терпеливее в работе с людьми, иначе никогда не добьёшься понимания. Недаром же кто-то из великих сказал: крайняя нетерпимость к человеческим заблуждениям или ошибкам – это слабость ума. Если

Михайлович считает объединение людей ради достижения общей цели. Поэтому всегда радуется, когда его подчинённые привлекаются к показательным занятиям, которые регулярно проводятся в дивизии. В процессе подготовки к ним комбат с удовлетворением подмечает, как узкогрупповые интересы уходят на второй

не смог убедить солдата в чём-то один раз, попробуй ещё. Не получилось – доказывай примерами: своим личным или из истории. Главное – расположить к себе подчинённого, завоевать его доверие и добиться взаимопонимания. Всё это требует чуткости, выдержанности, умения приводить аргументированные доводы. А значит, офицеру ежедневно нужно работать, прежде всего над собой.

Самым эффективным приёмом из многих методов воспитания Игорь

план, как от тренировки к тренировке всё больше спланиваются его бойцы: в их глазах появляется азарт, они оживлённо обсуждают происходящее, а вечерами помогают друг другу приготовить форму, оружие и амуницию к завтрашнему занятию.

Объединить людей помогают и мероприятия, которые проходят в часы досуга. Ещё в 2004 году, будучи командиром роты, Игорь Михайлович организовал у себя в подразделении кружок художественной самодеятельности. И вскоре его подчинён-

ные уже выступали с концертами на дивизионном уровне. А во время чествования солдат, увольняемых с военной службы, доморощенные артисты устроили настоящий концерт. После которого все дружно улыбались, и в глазах каждого читалось: мы вместе!

А только что принявшие присягу бойцы смотрели, с каким почётом провожают в запас их сослуживцев, и невольно представляли себя на их месте. И кому же из них не хотелось вот так же через год получить из рук комбата памятные подарки и удостоиться его крепкого рукопожатия?! А потом после волнующего до дрожи "Батальон, смир-р-рно!" пройти прощальным маршем перед Боевым знаменем части! Незабываемые минуты... Но именно они лучше всего подтверждают многолетнюю ратную истину: "Служи по уставу – завоюешь честь и славу".

Из таких вот, казалось бы, мелочей и прописных истин сложился феномен сплочённости подразделения, которым руководил молодой офицер Гарбар.

Проявлять волю, но при этом не забывать о человеколюбии – это, пожалуй, главная заповедь, которую всегда ставил во главу угла и которой сегодня руководствуется в службе подполковник Гарбар.

Майор

Елена ЖАРНИКОВА

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

В октябре 1991-го мы сидели у белого домика Бабаков в полтавском селе Виктория. Ещё вчера здесь, и в доме, и в селе, было тесно от гостей, приехавших из Киева, Ленинграда, Москвы... Сегодня село горестно притихло. Дом Бабаков и вовсе стал осиротевшим... Надежде Ивановне и Якову Андреевичу Бабакам вчера передали Золотую Звезду Героя Советского Союза и орден Ленина. Высшей награды нашей уходящей страны был посмертно удостоен их сын Олег, замполит роты, лейтенант из софринской бригады, погибший 7 апреля 91-го у азербайджанского села Юхары Джибикли, у дороги между армянскими городами Горис и Кафан.

СОФРИНО – ВИКТОРИЯ – МОСКВА... (ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПИСЕМ О ГЕРОЕ)

Мы горевали вместе с родителями Олега. Я обещал написать очерк – чтобы помнили. Яков Андреевич тяжело вздохнул и промолвил: "Мы-то, отец с матерью, как забудем?! А вот другие? За кого погиб Олежка? За Советский Союз? А Союза-то уже, считай, нет... не дай бог, и надпись на памятнике сотрут – "Герой Советского Союза"... А что, придут какие-нибудь и всё советское порушат..."

Те же горькие мысли одолевали родителей нашего Героя и полгода спустя, когда приехали мы с группой однополчан на годовщину со дня его гибели. Тогда, в апреле 92-го, уже не стало Союза. Не хотели да и не мог-

ли мы загадывать на двадцать лет вперёд, хотя и понимали уже отчётливо-приговорно, что на осколках великой Советской державы прольётся ещё немало крови наших товарищей, а счёт боевых потерь тех же доблестных софринцев вырастет стремительно-многократно...

А память? Как быть с нею? В каких формах, духовных и материальных, должны мы её сохранять в назидание и в поучение потомкам?..

Новое поколение произросло, и, слава богу, многие из него полезно подпитались именно благотворной, героической памятью. О новом поколении, идущем на смену нам, о памяти людской, воинской, земляческой скажут, без сомнения, строки из писем, которые разложил перед

собой в очередной раз, развязав некрепкий узелок на красной папке с надписью "Олег Бабак"...

"Здравствуйте, уважаемый Борис Васильевич!

К Вам обращается Бойко Галина, учащаяся 9 класса Викториинской общеобразовательной школы. С недавних пор я – экскурсовод музейной комнаты славы, в которой основная часть экспозиции посвящена Олегу Яковлевичу Бабаку. В 2011 году к 20-летию его подвига мы вместе с учителями полностью обновили музейные экспонаты: группировали информацию о Герое, изложив её на четырёх стендах – "Первые шаги", "Военное училище", "Шаг в бессмертие" и "В памяти навечно", сделали стеллажи, где

расположили личные вещи Олега Яковлевича, его награды и статьи о нём. Огромную помощь нам оказали родители Олега – Надежда Ивановна и Яков Андреевич. Они нам дали фотографии из семейного архива для копирования, подарили книгу документальных очерков "Звёзды мужества", журнал "На боевом посту", где размещены Ваши статьи об Олеге Яковлевиче.

Борис Васильевич, мы внимательно следим за всеми публикациями о Герое на Украине, но должны отметить, что наиболее полно и глубоко исследована эта тема именно Вами. Вы сумели найти и побеседовать практически со всеми, кто знал О.Бабака. Вы отыскиали его письма к друзьям и знакомым, проследили формирование его личности от юности до смерти... Вы сделали то, чего не сумели в своё время сделать мы, земляки Героя.

Спустя 20 лет мы, дети его одноклассников, обращаемся к Вам за помощью..."

Просьба была обыкновенной для музейщиков-краеведов, хотя и школьного ранга – поделиться материалами о Герое. Как было не откликнуться, тем паче что о селе Виктория, о родителях Олега Бабака (теперь вот он стал для земляков-школьников уже Олегом Яковлевичем – время!) я никогда не забывал. Собрал и выслал в адрес Гали Бойко бандероль: фотографии экспозиции Центрального музея внутренних войск, журналы, буклеты, выпущенные нашей редакцией, газеты с материалами об Олеге Бабаке.

Был повод перечитать свои прежние очерки и зарисовки о Герое. Вспомнил, что некоторые интересные факты из блокнота, который начал в том самом горном селе Юхары Джибикли, а продолжал в полтавской Виктории и подмосковном Софрино, некоторые письма его и ему, переписанные тогда, так и остались ждать своей поры. Когда-то казавшиеся несущественными, необязательными для опубликования, теперь они стали теми разноцветными кусочками яркой жизни, которые могут занять своё место в мозаичном панно, рассказывающем о жизни и подвиге нашего Олега.

* * *

"Здравствуй, наш дорогой сынок Олежа!

Насилу дождалась от тебя весточки. Мама уж с ног сбилась, ожидая тебя. Ты, выходит, малость из врунишек. Нам, чтоб не волновались, сказал, что поедешь в Якутию. А оказался аж в Азербайджане. Так знай, что отцовское и материнское сердце не проведёшь. Я и тогда понял, что ты виляешь – ибо спецназ никогда не сопровождает военные грузы. Ну да это ничего, что ты нас обманул. Шутки шутками, но знай, что так шутить нельзя...

В Виктории новостей никаких нет, всё по-старому.

Крепко тебя целуем. Твои папа и мама. Береги себя".

* * *

"Здравствуйте, мои дорогие мама и папка!

Знойный Ереван вам передаёт привет. Живём тут уже 10 дней. Поселили нас в спорткомплексе "Динамо", едим в столовой обувной фабрики. Гоняют нас, дай бог! Целую неделю мотаемся сутками без передышки. Местное население угощает нас чем может – помидоров, огурцов и вишни наелся! Один раз мы даже рыбы наловили и уху сварили. Правда, честно скажу, устал я от помидоров и вишни. За трое суток спали часов восемь. Теперь уже всё тихо, и мы живём более-менее нормально... Тут и сессию сдаём, насколько возможно. Я пока иду на "пять". Тут сдал политэкономия и одну военную дисциплину, ещё осталась тактика...

Тут всё время идут дожди или жара стоит – всё сразу. Сколько тут будем, пока непонятно....

Вы не волнуйтесь. Слушайте погоду в Армении и думайте, что я приеду загорелый и красивый.

До свидания. Целую вас крепко-крепко. Олег".

* * *

"Здравствуйте, мои дорогие мама и папка!

У меня уже пошла первая (офицерская. – **Б.К.**) командировка... Вчера прилетели в Баку. Обстанов-

ка нормальная, всё тихо. Наша роль прояснится дня через два, а может, и завтра. Сутки не спал. Прилетели, разместились, а потом меня старшим колонны с хлопцами отправили заправлять автобусы и забрать в аэропорту батальон, который перебросили из Ферганы, чтоб бригада была полностью тут. Это было что-то страшное для меня! Что солдата отправь – то и меня. Я ж ничего не знаю тут. Приехали в автопарк, а азеры не хотят машины заправлять. Крайнего не найдёшь. Мент, что колонну сопровождал на патрульной машине, не хочет в штаб ехать. Пришлось чуть ли не "именем революции" вытащить из кобуры пистолет и наставить ему в затылок.

А назад ехал старшим машины. Пока по трассе ехали спокойно, отрубился, уснул. А как в город въехали, проснулся, от страха сон пропал – тут же правил на дорогах нет... А водила ещё бестолковый, я ему пообещал по башке дать дубинкой своей. У меня аж сердце заболело, пока доехали. Честно вам признаюсь, что потратил весь запас азербайджанского фольклора – оказалось, что я его знаю не хуже родного... Поужинали в 3 часа ночи сухпайком (банка гороха и сухари). Завтракали и обедали тем же. Ну ещё чайку заварили. Живём в спорткомплексе. Жить можно. Нашёл душ – помылся, побрился, подшился, а теперь вам пишу. Не волнуйтесь – пока что мы тут как на курорте. Компания весёлая. Сейчас посплю, а потом протру свой мушкет, а то он весь в масле, совсем новый... Вы пишете чаще, не ждите, когда я напишу, ладно?

Целую вас крепко-крепко. Олег".

* * *

Были письма Олега и из села Юхары Джибикли, где он вкратце рассказывал о житье-бытье на своей маленькой горной заставе.

После героической гибели нашего офицера, после того Светлого Воскресения Христова, после 7 апреля, были написаны другие письма и телеграммы. Газета "Правда" от 19 апреля 1991 года поместила на первой странице фотографию улыбающегося Михаила Гор-

бачёва среди таких же улыбчивых японцев. Через всю полосу призыв (к японцам – ?) – "Лучше понимать друг друга". А ниже – сообщение с телеграфной ленты ТАСС: "Степанакерт. Военнослужащие внутренних войск МВД СССР, выполняющие ответственные задачи в районе чрезвычайного положения в НКАО и прилегающих районах Азербайджанской республики, обратились к Президенту СССР М.С. Горбачёву с просьбой присвоить посмертно звание Героя Советского Союза лейтенанту Олегу Яковлевичу Бабаку.

...7 апреля пятеро воинов внутренних войск МВД СССР в Кубатлинском районе Азербайджана вели неравный бой с полусотней боевиков. Когда стали заканчиваться боеприпасы, лейтенант Бабаков отдал приказ воинам отходить вместе с ранеными местными жителями. Сам остался прикрывать. Офицер отстреливался до последнего патрона и ценой своей жизни спас солдат и мирных жителей".

Письма Горбачёву писали и мирные жители того самого Кубатлинского района, где мир и покой охраняла софринская бригада.

Открываю заветный, "бабаковский" блокнот, начатый на Олевой заставе и продолженный в полтавской Виктории, в доме Героя. На первых же страницах запись: "25.04.91 г. В 17.35 на дороге Кафан – Горис в 2,5 – 3 км от п. Юхары Джибикли появился "Урал" и два УАЗ-469, из них вышли вооружённые люди и открыли огонь

по посёлку и заставе. Застава ведёт ответный огонь. Туда направлена резервная группа на БТР.."

Как пояснил на следующий день командир батальона майор Виктор Бурдуков (впоследствии он станет софринским комбригом, полковником. – **Б.К.**), армяне таким образом отмечали свой "день геноцида" – решили пострелять по советским солдатам, стоявшим заставой в азербайджанском селе. Решили поквитаться за тех своих бандитов, которых наши бойцы свалили в неравном бою 7 апреля. На этот раз Бог софринцев миловал – никого из наших не убили, не ранили...

В начале 90-х, когда мемориал в честь павших Героев располагался напротив старого здания штаба бригады, там стояли две пушки времён Великой Отечественной и первый памятник Олегу Бабаку – стела красного гранита с портретом Героя на граните чёрном и панорамная картина: юный лейтенант на фоне заснеженных гор. Теперь этого эпического полотна нет, а памятник перенесён в другое место. Аранжировки в свете требований дня и по воле командиров в гарнизонах происходят permanently. Не будем ретроградами, не станем, брюзжа, сожалеть о потерях материальных в сфере мемориальной. Тем более, что в прошлом году великолепный памятник Олегу Бабаку, памятник долговечный, гранитно-бронзовый, был открыт на станции Ашукинская, вблизи бригады, на людном месте, где нашего

Героя будут видеть тысячи и тысячи паломников, едущих в Троице-Сергиеву лавру. Он, погибший в Светлое Воскресение Христово, в день Благовещения (совпадение этих великих праздников – Кириопасха – явление редкое и промыслительно указующее на избранников!) заслужил народное почитание.

На открытии памятника были родители Олега. Фотографии о том событии теперь заняли своё место в школьном музее. Надо отдать должное односельчанам нашего Героя – память о нём хранят бережно, мероприятия в день его рождения, день Памяти и в иные даты школьной и сельской жизни проходят здесь не по-дежурному заорганизованно, но тепло и душевно.

Галина Бойко в очередной раз прислала не просто письмо, но целый видео- и фотоотчёт о большой работе по увековечению памяти Героя. Галя рассказала, как появился школьный музей: "Первоначально комнату славы создавали те учителя, которые работали в школе 20 лет тому назад. Тогда было проще, так как в нашем селе работала птицефабрика с миллионными доходами, а директором школы была жена директора этой фабрики В.М. Бурсюк. Именно птицефабрика заказала художникам барельефы Олега Яковлевича Бабака. Один, гипсовый, размещён в вестибюле школы, а другой, бронзовый, – на входе в школу. В те же времена написан портрет Героя, кото-

рый заказывался Союзу художников Украины. К сожалению, авторов мы не знаем, тогда не сохранили информацию, а сейчас неизвестно, где искать... В 2011 году было решено полностью обновить экспозицию, так как информация о Герое и подвиге была фрагментарна, все цветные фотографии так полиняли, что невозможно разглядеть лиц, да и вид комнаты был неэстетичный. Директор школы Николай Петрович Глушко разыскал спонсора – Бабака Виталия Анатольевича (это троюродный брат Олега Яковлевича). На его деньги купили материалы – фанеру, обои, краску, ДВП и т.д. Всё делали своими руками. Составили тексты экскурсий – здесь очень помог Ваш очерк из книги "Звёзды мужества"...

А облагородить могилу помогли воины отряда спецназначения "Барс", которые шефствуют над родителями Героя, они каждый год приезжают 7 апреля и ещё осенью – убрать огород.

Кроме экскурсий в музей, в школе проводим уроки Мужества, конкурсы рисунков и стихотворений, просмотр фильмов. В эти дни мы ближе общаемся с Надеждой Ивановной и Яковом Андреевичем. Они к нам обращаются, как к своим детям. Вам они передают привет, всегда говорят о Вас с теплом и уважением, считая, как и мы, что именно Вы сделали самые важные шаги к увековечению памяти их сына. А мы, в свою очередь, используем Ваши работы как первоисточники в

исследовании событий тех лет. Низкий Вам поклон и пожелания крепкого здоровья шлю Вам я, моя мама, весь педагогический и ученический коллектив школы".

Как на такое душевное послание не ответить добром же. Теперь вот пишу:

"Дорогая Галина!

Эту очередную публикацию в нашем войсковом журнале можете считать нашим журналистским вкладом в фонд вашего школьного музея. Некоторые строки писем здесь публикуются впервые, как и портрет нашего Олега, написанный в 1993 году художником Н.С. Араслановым (холст, масло, 90-70 см, студия художников МВД РФ им.В.В.Верещагина). Портрет этот несколько лет назад сфотографировал на выставке в гарнизонном Доме офицеров дивизии оперативного назначения (бывшая ОМСДОН им.Ф.Дзержинского) фотокорреспондент нашего журнала Владимир Николаичук.

Признаюсь, я прежде не видел этого портрета и не знал о его существовании. А портрет Олега, на мой взгляд, очень выразительный, мастерски исполненный.

Высылаю Вам и номер нашего журнала с информацией о том, что в подмосковном посёлке Ашукино одна из новых улиц будет носить имя Олега Бабака. Как видите, память о нашем Герое живёт.

Спасибо за присланный фильм об Олеге, очень хорошо сделанный Пирытинским районным телевиде-

нием. До слёз трогательно было увидеть живого Олега в хроникальном сюжете. Похвально и то, что воины внутренних войск МВД Украины чтут память о нём. Полковник из бригады спецназа Виктор Семенюк рассказал, что фильм этот показывают всем молодым солдатам украинских внутренних войск. Это очень правильно – именно на таких примерах мы должны воспитывать мужественных бойцов и командиров. И это лишний раз подтверждает, что все мы родом из СССР.

Привет всей Виктории!"

* * *

Слово "Виктория" курсант Олег Бабак выписывал-разрисовывал в своём блокноте десятки раз. Здесь же изобразил куст сирени, подсолнух, плетень, на котором висит глиняный глечик – родные полтавские мотивы... Сидел курсант на какой-нибудь лекции или в час самоподготовки, когда в переполненную военно-техническо-тактико-политическими сведениями голову ничего больше не лезло, и думка думалась одна, щемяще приятная – о доме, о родном селе с таким красивым именем – Виктория...

Борис КАРПОВ

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА и из фондов Викторийской школы Пирытинского района Полтавской области.

ПОЛВЕКА В СТРОЮ

20 октября 1962 года вышел в свет первый номер дивизионной многотиражки "Страж Родины", редактором которой был майор Юрий Дурнев. В августе 1979-го её преобразовали в газету Управления внутренних войск МВД СССР по Дальнему Востоку и Восточной Сибири "Дальневосточный часовой", и редакционный коллектив возглавил прибывший из Сыктывкара майор Григорий Синегуб. В кратчайший срок издание нашло своего читателя. Газета регулярно поступает в части и подразделения внутренних войск, дислоцированные в самом отдалённом регионе нашей необъятной страны. Пятьдесят лет – возраст немалый, даёт право подводить итоги и намечать планы. Газета, на страницах которой оттачивали мастерство десятки уважаемых ныне журналистов, к юбилею подошла во всеоружии: молодой творческий коллектив профессионалов-единомышленников, современная полиграфическая база, полноцветная офсетная печать... А что ещё нужно, чтобы делать качественный, востребованный интеллектуальный продукт?

Листая старые подшивки тех самых первых чёрно-белых номеров "Дальневосточного часового", набранных на линотипах, сверстаных вручную и отпечатанных на допотопных печатных станках, сразу же окунаешься в ту эпоху, когда основным предназначением внутренних войск была охрана

исправительно-трудовых учреждений. Уж где-где, а на Дальнем Востоке их всегда хватало, в одной только Магаданской области насчитывалось с десятков колоний строгого и особого режима, оштетинившихся огромными заборами с колючей проволокой и караульными вышками.

"Уж лучше вы к нам!" – поперхнувшись, отвечал главный герой знаменитой комедии на незатейли-

вое приглашение посетить берега Колымы. И только для корреспондентов войсковой газеты командировки в этот суровый край были обычным делом. Сейчас уже трудно подсчитать, сколько километров по периметру запретных зон наматывали они с солдатами-часовыми и во скольких бараках побывали вместе с прапорщиками-контролёрами, прежде чем их рабочие блокно-

ты пополнялись новой и интересной фактурой. А в скольких розыскных мероприятиях по задержанию совершивших побег осуждённых приходилось участвовать нашему брату журналисту? И повсюду были свои герои – офицеры, прапорщики, сержанты и солдаты, публикации о которых вместе с фотографиями оперативно размещались на страницах газеты. Это сейчас регион распространения "Дальневосточного часового" жёстко ограничен рамками Хабаровска и Южно-Сахалинска. А ведь когда-то читательская аудитория пятитысячного издания "через день на ремень" несла боевую службу на огромной территории от Байкала до Камчатки. Неудивительно, что до сих пор в сотнях дембельских альбомов вэвэшников-дальневосточников тех лет бережно хранятся пожелтевшие от времени странички войсковой газеты, где были тиснуты их фотографии с описанием заслуг.

Как есть они и в альбомах у тех, на чьи плечи легла опасная и ответственная задача по наведению конституционного порядка в республиках Средней Азии и Закавказья. Когда в конце 80-х – начале 90-х то здесь, то там засверкали зарницы взрывов, а небо заволочило пороховым дымом, журналисты "Дальневосточного часового", что называется, от первого лица знакомили читателей с примерами мужества и геро-

изма, проявленными их братьями по оружию.

Первыми из редакции газеты "Дальневосточный часовой" в спокойную столицу советского Азербайджана – город Баку – убыли капитаны Виктор Фрайденберг и Игорь Акимов. Практическую помощь в развёртывании полиграфического оборудования в полевых условиях им оказывал старший инструктор-верстальщик прапорщик Юрий Косачёв. В те тревожные дни боевые репортажи и фотоснимки военных журналистов регулярно печатались не только в "Дальневосточном часовом", но и в газете Управления внутренних войск МВД СССР по Северному Кавказу и Закавказью "На посту", а также центральном войсковом журнале "На боевом посту". Они несли читателям ту самую окопную правду, которой так недоставало гражданской прессе.

Как раз в это время – в сентябре 1991 года – в дружный коллектив "Дальневосточного часового" влился и я. Зелёным лейтенантом перешагнув порог редакции и сразу же оказался перед очами редактора подполковника Григория Гавриловича Синегуба. О знаменитой "школе Синегуба", через которую прошли многие войсковые журналисты, мне поведали ещё в Москве. Там же и предупредили – с ним будет нелегко!

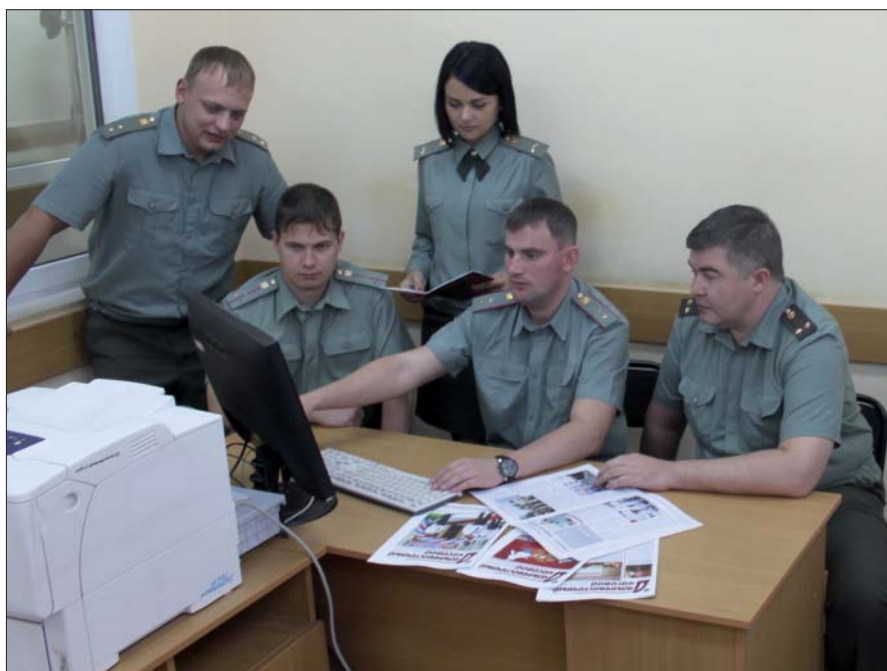
А так как лёгких путей мы – молодые лейтенанты с наполеоновски-

ми планами – не искали, морально я был готов ко всему. К счастью, представление новому коллективу прошло гладко: суровый и грозный на вид Григорий Гаврилович выпускника Львовского высшего военного-политического училища принял радушно, сказал пару добрых напутственных слов и даже по-отцовски похлопал по плечу – мол, мужайся, сынок! И что после этого оставалось делать? Только хорошо работать и заваливать секретариат интересными материалами!

Авторитет Синегуба в Управлении внутренних войск по Дальнему Востоку и Восточной Сибири был непререкаемым, поэтому мало кто из вышестоящего начальства осмеливался снимать с очередного номера газеты утверждённую им статью. Громадная ответственность за достоверность подготовленных публикаций всё время давила на нас, ко многому обязывала: не оправдать доверия Синегуба, подвести его – было последним делом. Журналист с большой буквы, он и сам писал замечательные очерки, повести и рассказы и обучал этому молодых офицеров. Не случайно многие подопечные Григория Гавриловича впоследствии достигли больших профессиональных высот.

Как только запылала Чечня, командировки в эту мятежную республику для журналистов газеты Восточного округа внутренних войск стали регулярными. Майор Анатолий Ларский, капитан Андрей Скорына, старший лейтенант Андрей Волошенко сменяли там своих коллег, регулярно публикуя самую свежую и достоверную информацию о чеченской войне не только в войсковой печати, но и в региональной прессе Дальнего Востока.

Менялись времена, менялась и газета. Несмотря на трудности, которые в лихие 90-е вместе со страной переживали и внутренние войска, "Дальневосточный часовой" сумел не просто удержаться на плаву, но и не отстать от других войсковых средств массовой информации. В ноябре 1997 года газета одной из первых в войсках перешла на офсетную печать, и типография наконец-то смогла сдать в утиль отслужившие свой век линолиты (громоздкие

строкоотливные машины, предназначенные для высокой печати, если кто не знает).

После увольнения в запас первого редактора "Дальневосточного часового" подполковника Григория Синегуба редакцию возглавляли подполковники Юрий Маслюк и Виктор Ульяновский, майор Сергей Тяновский, подполковник Александр Подольский, полковник Юрий Билык, подполковник Алексей Боровицкий.

В сегодняшнее непростое, насыщенное событиями время творческий коллектив газеты Восточного регионального командования во главе с выпускником факультета журналистики Дальневосточного государственного университета подполковником Русланом Вороновым остаётся верен традициям – воспитанию военнослужащих в духе патриотизма и любви к Отечеству, повышения авторитета внутренних войск в обществе. Благодаря новым формам подачи материалов, инициативе и настойчивости журналистов "Дальневосточный часовой" стал насыщенным по содержанию, привлекательным по внешнему виду носителем оперативной и объективной информации о жизни соединений и воинских частей. Журналисты в погонах чутко реагируют на обращения в газету военнослужащих и членов их семей, стараются оказывать им посильную помощь. Именно в этом видят смысл своей работы майор Владилена Подвизной, старшие лейтенанты Владимир Головашов, Дмитрий Иванов, Эльдар Янгишиев, прапорщики Сергей Матросов, Александр Мельниченко, Павел Служенко, Владимир Александров, ефрейтор Оксана Тобо-

лина, служащие Марина Сухарева и Ирина Золотарская.

"Дальневосточный часовой" по праву стал кузницей кадров для военных и гражданских средств массовой информации. Многие из тех, кто начинал здесь оттачивать журналистское мастерство, успешно проявили себя на новом, более ответственном поприще: майор Юрий Дурнев, капитаны Анатолий Рапота, Александр Ушар и Елена Жарникова продолжили творческий путь в журнале внутренних войск "На боевом посту", а полковник Виктор Ульяновский одно время даже руководил центральным войсковым изданием. Подполковник Владимир Нижегородов и майор Александр Костенко стояли у руля газеты Управления внутренних войск по Уралу "Сын Родины". А старший лейтенант Олег Крючок, пройдя долгий и тернистый журналистский путь, в настоящее время является генеральным директором крупнейшей на Дальнем Востоке телерадиовещательной компании "Губерния".

О моём коллеге – военном журналисте капитане Викторе Фрайденберге хочется рассказать отдельно. В редакцию газеты "Страж Родины" он прибыл в мае 1973 года солдатом-срочником. Работал печатником, как только получил звание прапорщика, был назначен старшим инструктором-линотипистом, а затем корреспондентом газеты. В 1982 году Фрайденберг экстерном окончил Ленинградское высшее политическое училище МВД СССР, надел лейтенантские погоны и отправился в конвойный полк на Сахалин руководить солдатским

клубом. Через два года вновь вернулся в редакцию, где последовательно прошёл путь от корреспондента-организатора до заместителя редактора – ответственного секретаря. Семнадцать лет он отдал газете, четырнадцать из которых не выпускал из рук фотоаппарата. Фотодело увлекло его с первых дней военной службы и очень пригодилось, когда он стал фотокорреспондентом. В марте 1992 года майор Виктор Фрайденберг из холодного Хабаровска перевёлся в далёкую солнечную Алма-Ату на должность начальника информационно-издательского отдела – главного редактора газеты "Калкан" ("Щит") внутренних войск МВД Республики Казахстан. Сейчас он полковник запаса, проживает на Северном Кавказе и до сих пор находится в курсе всех событий, происходящих в его родных войсках.

Порой смотрю старые фотографии, вижу усталые, но живые глаза моих товарищей по перу, и передо мной встаёт большая, трудная и яркая жизнь, прожитая каждым из них. Человек с фотоаппаратом и блокнотом! Он вездесущ, этот пытливым и неутомимым летописец – военный журналист. Как много мог бы рассказать каждый из них – участник и живой свидетель больших событий своего времени.

Всех этих уважаемых людей объединяет бесценная школа "Дальневосточного часового", которому они отдали многие годы службы во внутренних войсках. Забыть родную газету и вычеркнуть из памяти огромные дальневосточные просторы, гостеприимных и радушных потомков Ерофея Хабарова и графа Николая Муравьёва-Амурского они не в силах. Им хочется искренне верить, что 50-летний юбилей ещё даст путёвку в жизнь не одному десятку талантливых журналистов войск правопорядка, которые не только продолжат, но и приумножат дело, начатое ветеранами издания.

★
**Подполковник
 Сергей ПОРТНОВ,
 редактор газеты
 "Дальневосточный часовой"
 в 1997-2004 гг.**

Фото из архива газеты ВРК
 ВВ МВД РФ

ВДОХНУТЬ НОВУЮ ЖИЗНЬ

Время диктует необходимость вдохнуть новую жизнь в офицерские собрания, которые долгие годы были неотъемлемой, органичной частью бытия русской армии. Несомненно, они сослужат добрую службу российским силовым ведомствам, в том числе и внутренним войскам.

Во второй половине XVIII века в русской армии стали появляться общества, объединявшие офицеров той или иной воинской части (гарнизона). Например, в 1779 году был создан клуб штаб- и оберофицеров Новгородского пехотного полка в Тихвине, а в 1782-м – Военный клуб в Санкт-Петербурге. С 1824 года по инициативе видного государственного деятеля того времени А.А.Аракчеева в военных поселениях, разбросанных по городам и весям России, создавались учреждения типа офицерских собраний.

Прообразом офицерского собрания в отечественном Военно-морском флоте стал Кронштадтский морской клуб, появившийся в 1786 году благодаря стараниям главного командира Кронштадтского порта адмирала С.К.Грейга. Под него отвели средний этаж одного из домов, где были оборудованы столовая, буфет-

ная, газетная, две бильярдные, две гостиные и танцевальный зал.

В начале XIX века для неформального общения офицеров стали использоваться небольшие дома или отдельные помещения (дежурные комнаты), где можно было беседовать, читать книги и газеты, играть в карты и бильярд, шахматы и шашки. Такое времяпрепровождение в свободные от службы часы обрело популярность в военной среде.

В этот период рождаются первые правила работы и организации сборов офицеров, которые позднее получили название "офицерские собрания". Под этим термином в то время подразумевался род клуба, объединявшего офицеров воинской части (гарнизона). В русской армии такие собрания получили широкое распространение. Их деятельность регламентировалась высочайше утверждёнными (т.е. одобренными царём) уставами и положениями. Председателями собраний являлись

командиры воинских частей (начальники гарнизонов).

Офицерские собрания способствовали сближению офицеров, поддержанию между ними товарищеских отношений, расширению кругозора, облегчению их материального положения и развлечениям в свободное время. Важную роль в их становлении сыграл приказ по военному ведомству № 289 от 4 ноября 1874 года, который ввёл в действие Устав офицерского собрания. В 1884 году было утверждено Положение об офицерских собраниях в отдельных частях войск. В нём, кроме всего прочего, провозглашались цели офицерских собраний: "доставить" офицерскому обществу средства для взаимного сближения его членов и поддержать между офицерами правильные товарищеские отношения, соответствующие духу и требованию военной службы; содействовать развитию военного образования; "доставить" офицерам развлечения в сво-

бодное от службы время и удешевить их жизнь. Собрание обычно включало в себя библиотеку, столовую, фехтовальный и гимнастический залы, билльярдную, тир и т.д. Положение могло быть дополнено частными правилами офицерских собраний воинских частей. В дальнейшем в этот документ вносились изменения. Так, в нём появился пункт о том, что офицерские собрания могут приобретать в собственность недвижимое имущество на общих основаниях.

Контроль за соблюдением правил поведения являлся одной из главных задач собрания. Офицер должен был воздерживаться "от всяких увлечений и всех действий, могущих набросить хотя бы малейшую тень на корпус офицеров". "Слово офицера, — отмечалось в документе, — всегда должно быть залогом правды, и потому ложь, хвастовство, неисполнение обязательств — пороки, подрывающие веру в правдивость офицера, они бесчестят его звание и не могут быть терпимыми". Офицер не имел права участвовать в уличной ссоре, появляться на людях в нетрезвом виде, быть неряшливо или не по форме одетым, кляузничать, распускать о ком-либо сплетни, непочтительно относиться к женщине. Всё это влекло за собой самое резкое осуждение. Кроме суда чести, существовало ещё одно грозное наказание провинившегося: товарищи переставали подавать ему руку. И если дело доходило до этого, то проштрафившийся должен был либо переводиться в другой полк, либо в мирное время подавать в отставку.

В те времена между офицерами, особенно в собрании, практиковалось товарищеское общение, независимо от воинского звания и служебного положения. Вне службы, на отдыхе, а нередко и в служебное время они обращались друг к другу по имени-отчеству.

В офицерских собраниях большое внимание уделялось воспитанию на боевых традициях воинской части. Офицеры высоко чтит названия, символику и историю своих полков,

всячески стремились поддерживать их добрую репутацию, умножать боевую славу. Живыми носителями традиций были ветераны. Они пользовались огромным уважением.

В сентябре 1895 года в городе на Неве, на углу Литейного проспекта и Кирочной улицы, началось строительство здания Общего офицерского собрания армии и флота. 22 марта 1898 года в присутствии императора Николая II состоялось его торжественное открытие. В наше время в этом величественном здании находится Дом офицеров Западного военного округа. Популярность офицерских собраний в армии росла. Только в Санкт-Петербурге к 1914 году их насчитывалось более двух с половиной десятков.

А затем в жизни страны произошёл крутой поворот. Октябрьская революция 1917 года сменила государственный строй, общественно-экономическую формацию. В начале 1918 года в связи с отменой офицерских званий была прекращена и работа соответствующих собраний.

В разгар Великой Отечественной войны, в 1943 году, для повышения престижа командиров и политработников, морального духа личного состава, обеспечения преемственности героических традиций нашего воинства в Советской армии ввели новые знаки отличия для офицеров — погоны. В этот же период в некоторых соединениях и воинских частях появились офицерские собрания и клубы, по своей форме во многом напоминающие подобные организации в дореволюционной армии. В частности, в 31-й армии Западного фронта

при штабах дивизий и полков были организованы офицерские собрания. Они стали серьёзной школой идейно-политического воспитания офицеров, сплочения коллективов. Аналогичные собрания и клубы были созданы в апреле-июне 1944 года в соединениях и воинских частях 60-й армии 1-го Украинского фронта, в других объединениях. Однако широкого распространения эта форма работы с офицерами в годы войны не нашла. Ведь централизованного организующего начала она тогда не имела, зачастую клубы и собрания возникали благодаря личной инициативе командиров.

В дальнейшем в Вооружённых силах СССР такого общественного института долгие годы не существовало. И только в конце восьмидесятых годов прошлого столетия, когда в стране шла так называемая перестройка, в армейской среде оживился интерес к истории офицерских собраний. На страницах различных изданий развернулись дискуссии о том, стоит ли их вернуть в армейскую жизнь. В итоге в 1989 году был подписан приказ министра обороны СССР о введении в действие Временного положения об офицерском собрании в ВС СССР, которое получило окончательную редакцию в приказе главы советского оборонного ведомства в конце 1990-го.

Наверное, в тот очень сложный для страны период офицерские собрания могли сыграть определённую положительную роль в деле сохранения великой державы — Советского Союза. Однако не сыграли. Сейчас, пожалуй, нет особой необходимости

Здание Офицерского собрания конвоя Его Императорского Величества в Царском Селе

**Банкет в обеденном зале
Офицерского собрания
Лейб-гвардии Стрелкового
батальона. Царское Село. 1912 г.**

размышлять о том, почему так случилось. Сегодня гораздо важнее вдохнуть новую жизнь в офицерские собрания, сделать их реально работающими на благо внутренних войск, офицеров и членов их семей. Возрождение и становление института офицерских собраний в современных условиях – это важный шаг к утверждению в офицерской среде социальной справедливости, сохранению и приумножению лучших традиций офицерского корпуса.

Сегодня перед офицерскими собраниями стоят задачи, созвучные прежним: сплочение коллективов офицеров воинских частей, воспитание их в духе преданности Отечеству, верности воинскому долгу и боевым традициям, укрепление войскового товарищества, выработка предложений и рекомендаций командованию по вопросам прохождения военной службы, решения социальных или иных проблем, возникающих у офицеров и членов их семей.

Одной из важных функций этого общественного института является

утверждение социальной справедливости в военной среде, защита офицеров от грубости и произвола, унижения их личного достоинства.

Работа офицерского собрания должна строиться на демократической основе, в обстановке широкой гласности, доброжелательности, открытого обмена мнениями и свободного товарищеского общения, взаимной ответственности и уважения независимо от воинского звания и служебного положения человека.

Многое под силу офицерским собраниям. Они способны вносить весомый вклад в формирование у людей высоких профессиональных, деловых и нравственных качеств, активности и ответственности за выполнение служебных и общественных обязанностей, оказывать помощь командованию в обобщении и внедрении положительного опыта. Им по плечу также активизировать военно-патриотическое воспитание подрастающего поколения, убеждать молодых людей в высокой значимости и престижности офицерской профессии, вносить добрую лепту в подготовку юных граждан к поступлению в войсковые учебные заведения. А кому, как не собраниям, прививать офицерам и членам их

семей потребность содержать в образцовом порядке военные городки и жилые дома, пропагандировать здоровый образ жизни, искоренять пьянство и алкоголизм среди военнослужащих, организовывать культурные, спортивно-массовые мероприятия?!

Жизнеспособность офицерских собраний, реальная отдача от них напрямую зависят от командиров и начальников, от того, насколько умело они сочетают атмосферу товарищества и доверительного общения с требовательностью и принципиальностью в отношениях с подчинёнными.

Этот испытанный временем общественный институт – наш мощный, надёжный резерв. Для блага России и войск правопорядка, людей с офицерскими погонами на плечах использовать его стоит по максимуму.

**Полковник
Геннадий МАРЧЕНКО,
заместитель командующего
войсками Центрального
регионального командования
внутренних войск МВД России
по работе с личным составом,
доктор исторических наук**

Фото из архива редакции

НА СЛУЖБУ И НА БОЙ – С ПРАВДОЙ БОЖИЕЙ

Звание воина почётно. Иначе апостол Павел не уподобил бы духовные подвиги воинским, когда обращался к своему ученику Тимофею: "Подвизайся, как добрый воин Иисуса Христа. Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику" (2 Тим. 2, 3-4).

Если духовные подвиги подобны воинским, то и воинские, когда будут нечто заимствовать от духовных, только выиграют. Никакие духовные дела невозможны без молитвы. Более того, возносимая из глубины сердца, "без гнева и сомнения", она освящает всю земную жизнь человека, сообщая ей высший смысл. Жизнь, не освещённая лучами божественной благодати, подобна блужданию в мрачной пещере, где человек обречён постоянно спотыкаться, падать, расшибаться; где он не чувствует направления верного движения.

Что же такое молитва? Это, по определению святителя Филарета,

митрополита Московского, "возношение ума и сердца к Богу с благоговейным предстоянием человека Богу". Где и когда может быть совершаема молитва? Везде и всегда. Бог не ограничен ни пространством, ни временем. Чтобы приобщиться к этой неограниченности, чтобы раздвинуть кругозор своей души в самых стеснённых жизненных обстоятельствах, достаточно мысленно обратиться к Богу, хотя бы на мгновение оставив житейские попечения, – и тотчас душу осенит мир, от которого она получит твёрдость, уверенность, желание исполнять свой долг, несмотря ни на какие трудности.

Хорошо молиться в храме Божи-ем, где всё влечёт к собеседованию

с Богом. Хорошо молиться на лоне природы, которая, как сотворённая Вседержителем, также представляет собою храм Божий, непрестанно воссылающий благодарения Создателю самим фактом своего существования. Но можно молиться и в дозоре, когда внимание напряжено, что даст ему, во-первых, без ущерба для дела требуемую разгрузку; во-вторых, мобилизует все силы души. Особенно важно молиться во время боевой операции, когда ходишь по краю смерти. Можно молиться даже в темнице, пример чего дали святые апостолы. Наконец, важнее всего молиться на пороге вечности, потому что сказано: "В чём застану, в том и сужу". Молитва утончает ум, обостряет вни-

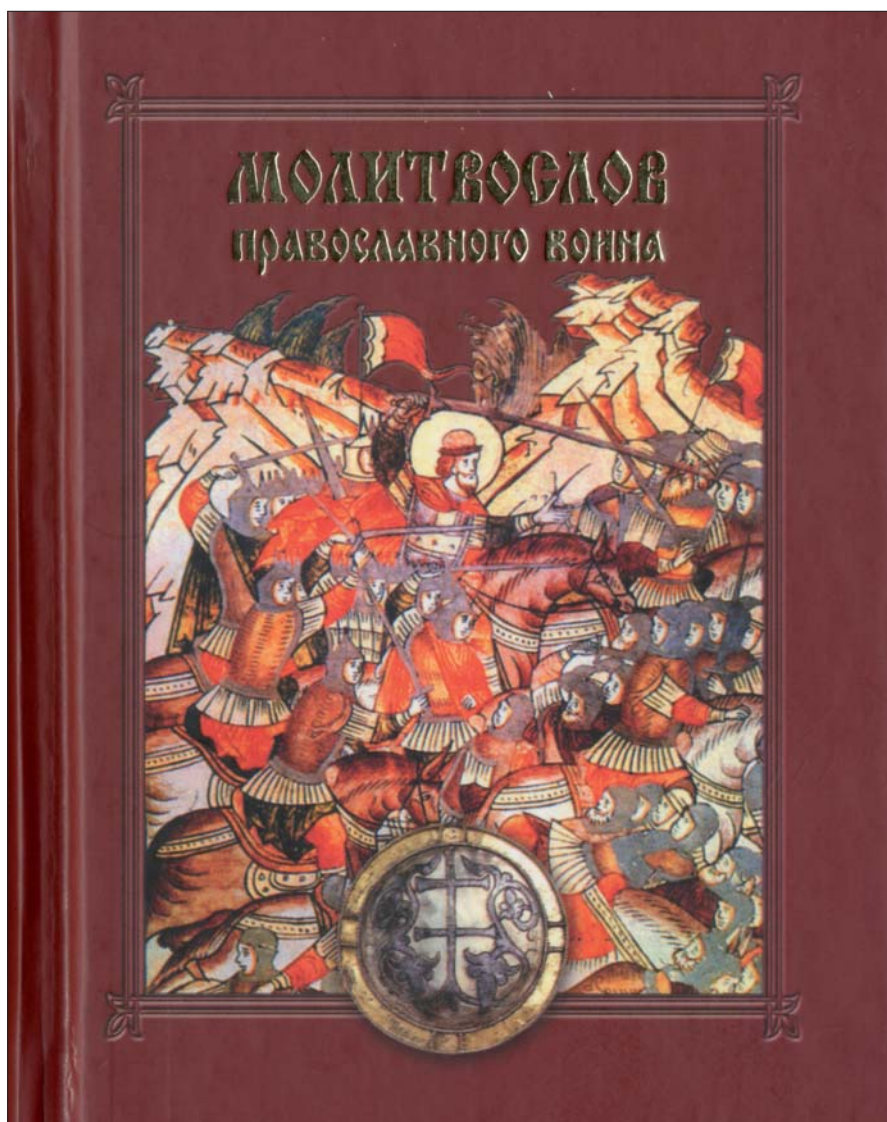
мание, дисциплинирует человека; но главное – она сообщает ему помощь свыше, может подвинуть в нужную секунду к единственно правильному решению.

Всякий христианин должен начинать день молитвой, выравнивая строй своих мыслей, точно полководец – войска, перед Богом. Опытные спортсмены умеют собирать своё тело и волю в кулак. Опытный молитвенник точно так же собирает воедино ум, волю и чувства, чтобы в течение всего дня быть готовым к созидательному труду без потери бодрости. Хорошо каждое дело предварять молитвой, произнося её в уме (например: "Господи, помоги", "Господи, благослови"). Во время вынужденного бездействия, скажем, в дороге, важно не рассеиваться умом, но держать его хотя бы временами в молитвенном напряжении. Не нужно думать, будто бы это обременительно и удел только, скажем, монахов. Великий князь Владимир Мономах в XII веке в своём бессмертном "Поучении..." собственным детям, стоя на пороге вечности, писал: "Когда едете на коне, если не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то "Господи, помилуй" взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, – нежели думать о вещах пустых".

Тот же богомудрый руководитель Русского государства наставлял детей словами Василия Великого: "Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь; не свирепствовать словом, не хулить в беседе, смеяться не много, стыдиться старших, с непутёвыми женщинами не беседовать и избегать их, глаза держать книзу, а душу ввысь, не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почёт. Если кто из вас может другим принести пользу, от Бога на воздаяние пусть надеется и вечными благами насладится". Затем великий князь продолжает речь уже от своего лица: "О Владычица Богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего в ничтожной этой жизни". Так наставлял руководитель самого обширного тогда в Евро-

пе государства вполне уже взрослых людей, самостоятельных правителей русских областей.

Важно заканчивать день молитвой, вспоминая свои грехи, совершенные в его продолжение делом, словом или помышлением, и прося за них как прощения, так и помощи, чтобы впредь их не повторять.

Совершенно незаменима в коллективе, и особенно воинском, молитва "Отче наш". В ней мы молимся не только за себя, но и за тех, кто нас окружает, произнося её от первого лица множественного числа. Воин-христианин обязан молиться за начальников, за товарищей по оружию и за подчинённых, если облечён властью. Общая молитва сообщает коллективу сплочённость на самом высоком уровне – так что коллектив становится одним телом, члены которого понимают друг друга с полуслова, с полу-

взгляда. В условиях боевых действий это может соперничать по эффективности с самым современным оружием, с самыми современными средствами связи.

Общая молитва способствует взаимопониманию, сглаживает противоречия, очень часто возникающие при общении людей. Молитва не даёт забыть (условно выражаясь) воину земному, что он одновременно и воин Христов, поэтому имеет обязательства высочайшие: даже преследуя и предавая смерти врагов, он должен делать это без ожесточения, сдерживая порывы собственного гнева. Так, царь и пророк Давид всю жизнь провёл в войнах, был бесстрашен, однако отличался величайшей кротостью.

Если возникает необходимость наказать подчинённых, делать это нужно без гнева, одновременно молясь за них, чтобы сам Господь

помог им исправиться, наставив их мысли на путь правый. Одним словом, воин-христианин без молитвы, как птица без крыльев.

Он должен образцово выполнять служебные обязанности, прославляя Христа своими делами, ибо вера без дел мертва. Где присутствует воин Христов, там должно присутствовать и благочестие. Видимым знаком последнего служит ношение нательного креста. Равноапостольный царь Константин Великий, приказав, по внушению свыше, сделать войсковое знамя в виде креста, а воинам – изобразить кресты на щитах и шлемах, побеждал всех врагов силою победившего на Кресте вселенское зло Иисуса Христа. Таким образом, крест – духовное оружие, пренебрегать им – признак легкомыслия. Кто стыдится носить крест, тот недостойн звания христианина.

Внешний вид как места дежурства, так и места отдыха воина Христова должен соответствовать его высокому званию. Если начальство не возражает, хорошо иметь здесь святую икону. Достойным украшением местопребывания воина Христова могут быть выписанные мудрые изречения. В то же время здесь не должно быть места непристойным изображениям и надписям – они растлевают душу, делают её низкой, расслабленной, неспособной не только к подвигу, но и к обычной повседневной дисциплине.

Полезно православному воину иметь при себе небольшой молитвослов, которые выпускаются различными издательствами во многих епархиях, – священники, окормляющие наше воинство, охотно помогут их приобрести. Такие книжицы-сборнички не только не будут обременительны в вашей гарнизонной или походной жизни, но послужат опорой в молитве.

Если воин-христианин в продолжение своей службы будет упражняться как в воинских умениях, так и в совершении христианских добродетелей, это время может стать для него незабвенным опытом стояния в правде Божией.

**Священник
Сергий КАРАМЫШЕВ**
Фото из сети Интернет

В Кремле за медали ордена вручали

В Москве в Георгиевском зале Кремля состоялась встреча Президента Российской Федерации Владимира Путина с чемпионами и призёрами XXX летних Олимпийских игр в Лондоне. Среди приглашённых спортсменов были и военнослужащие внутренних войск МВД России.

Обращаясь к олимпийцам, Владимир Путин отметил их значительный вклад в дело популяризации спорта в нашей стране. Не обошёл он вниманием и стабильный рост результатов российской сборной.

— На Олимпиаде в Пекине мы заняли третье общекомандное место, но по количеству медалей выступление в Лондоне было лучше, чем в Пекине. Это легко проверяется по количеству медалей: в Лондоне — 24 золотые медали, в Пекине — 23; в Лондоне — 26 серебряных, в Пекине — 21; по "бронзе" в Лондоне — 32 медали, в Пекине — 28; и всего в Лондоне на 10 медалей больше, чем в Пекине. Это, безусловно, успех! — сказал президент.

От имени всех российских болельщиков Владимир Путин поблагодарил спортсменов за их выступления и вручил олимпийским чемпионам лондонских Игр государственные награды.

Среди награждённых — представители спортивных команд войск правопорядка. Орденом Почёта за выдающиеся спортивные достижения была отмечена лейтенант Наталья Антюх, а лейтенант Иван Ухов, прапорщики Мансур Исаев и Юрий Постригай, рядовые Наталья Воробьёва, Елена Лашманова, Максим Михайлов, Алексей Обмочаев, Александр Дьяченко и Алан Хугаев удостоены ордена Дружбы.

Медаль ордена "За заслуги перед Отечеством" I степени была вручена прапорщикам Татьяне Кашириной и Дмитрию Ушакову, рядовым Денису Аблязину и Татьяне Фировой. Медалью ордена "За заслуги перед Отечеством" II степени награждены прапорщики Нина Вислова, Валерий Сорокин и Светлана Школина, рядовой Илья Первухин, а также служащие Екатерина Поистогова и Мингиян Семёнов.

Всего в олимпийских батальонах в Лондоне принимали участие 73 военнослужащих внутренних войск. Вклад представителей войск правопорядка в общую копилку наград оказался очень весомым: они завоевали 8 золотых, 4 серебряные и 6 бронзовых медалей.

Чествовали олимпийцев и в Министерстве внутренних дел. Здесь спортсменов приветствовали глава ведомства генерал-лейтенант полиции Владимир Колокольцев и начальник главного штаба внутренних войск — первый заместитель главнокомандующего внутренними войсками МВД России генерал-полковник Сергей Бунин.

— Своими победами вы подняли престиж службы в органах внутренних дел и ещё раз доказали, что сотрудники МВД и военнослужащие внутренних войск являются достойными представителями России в олимпийской сборной страны! — сказал в своём выступлении перед олимпийцами министр внутренних дел Российской Федерации генерал-лейтенант полиции Владимир Колокольцев.

Подполковник Сергей КОРЕЦ
Фото пресс-службы Президента РФ

с-т ТКАЧЕНКО
2. с-т ОРАЗБАЕВ
3. Ефрр. Мамедов
4. ряд. Умаров
5. ряд. Даримбаев
6. ряд. Расулов
7. ряд. Истамов
8.
9.
10.
11.
12. мл. с-т Тарифулли
Ефрр. Аскильцвили
ряд. Маллаев
ряд. Сафин
ряд. Бакенов
13. мл. с-т Гаджиев
14. ряд. Бабуров
15. ряд. Туграф
16. ряд. Шихиев
17. ряд. Джишбеков
18.

Дмитрий ШЕВАРОВ

ЗЯБЛИКИ

Повесть

P.S. Внесите свои фото.

Это будет приветом из армии или дома
ПРОШЛОЕ.
НА БОВОМ ПОСТУ

5

Перед ними была порыжевшая к осени широкая просека. Им был знаком тут каждый пенёк, каждый багряный кустик, каждый муравейник, каждая звериная норка с нарытым холмиком свежей земли, каждый камень, поросший мягким качимом.

Тропа, когда-то торопливо выложенная бетонными плитами, теперь вся искособочилась. Одни плиты дыбились, как на волнах, другие год за годом уходили в топкую почву, местами вовсе скрывшись с глаз. Двоим на такой тропе не разойтись, особенно весной и осенью, когда набухали и разливались болота. В эту пору оступиться с тропы означало набрать в сапоги ледяной воды или, что ещё хуже, оставить сапоги в болоте и вернуться в караул босиком. Поэтому часовому, идущему всегда по часовой стрелке, и начальнику караула, идущему против часовой стрелки, при встрече приходилось схватившись друг за друга, медленно совершать поворот на месте, меняясь расположением.

Слева от тропы виднелся старый деревянный забор, местами сгнивший и перекошенный. Как образ дурной бесконечности, он уходил вдаль по склону горы и, казалось, что у него нет конца.

Конца и в самом деле не было, поскольку забор шёл по кругу, огибая объект, и возвращался к караульному помещению вместе с тропой нарядом с другой стороны.

Сам объект представлял собой череду насыпных холмов с иглами громоотводов. Как-то всех офицеров батальона привезли на рекогносцировку в четвёртый караул, и какой-то спец из полка спросил на прощание, есть ли вопросы. Жердевой, как самый смелый и любопытный, спросил:

– А что будет, если взорвётся?

– Здесь ничего не будет, а в НАТО столы накроют.

– Не понял, товарищ полковник.

– А чего непонятного? Тут Марианская впадина будет на радость врагу.

Вопросов больше не было.

Справа от тропы, метрах в ста, тянулся вдоль кромки леса ещё один бесконечный забор, только уже не из досок, а из бетонных столбов и щедро намотанной на них ржавой колючкой. За колючкой празднично светился молодой березняк. От него нельзя было оторвать глаз – так манил он своей девичьей красотой.

Не доходя нескольких метров до вершины горы, где тропа круто сворачивала вправо, Гусев увидел то, что, по всей видимости, и было причиной сегодняшних несчастных обстоятельств: оба ряда колючки порваны, в них зиял проход, достаточный для того, чтобы туда пройти, чуть пригнувшись. Проволока была не разрезана, а именно порвана чьим-то мощным натиском. Даже столбы покосились.

"И кто ж такое натворил? – думал Гусев. – Медведь? Лось? Кабаны?.."

За образовавшимся проходом трава была не просто примята, а вытоптана. В мозгу Гусева лихорадочно замелькали заученные ещё в учебке фразы: "преследование нарушителя по следу"... "действия при утере следа"... "способы отыскания утерянного следа"... Но, как назло, и действия, и способы – всё вылетело из головы.

Лейтенант пожалел, что с ним Тошматов, а не умная собака, которая могла бы без лишних разговоров взять след и быстро вывести на беглецов. Говорили, что в семидесятые годы собаки были в караулах, но потом их из экономии сократили.

Гусев, а вслед за ним Тошматов пролезли под обрывками колючки и оказались в березняке. Когда-то с молодой порослью тут боролись, вырубали, не допуская к запретной зоне, но потом, видно, махнули рукой, и за несколько лет вокруг объекта поднялся берёзовый лес. Еле приметная тропинка сквозила сырой лентой между сухих трав.

– Эй! – крикнул Антон, сделав ладони рупором. – Второй взвод, ко мне!.. Эй!..

Никто ему не ответил, только клесты сердито зацокали.

Так и шли они, иногда останавливаясь, чтобы с опаской прислушаться. Берёзы насмешливо шелестели над ними.

Вскоре открылась рыжая от палого листа и лиственничной хвои поляна, пригретая прощальным осенним солнцем.

– Привал! – скомандовал лейтенант своему "адъютанту".

Оба счастливо растянулись на мягкой и тёплой земле. Над ними в дрожащем обрамлении лимонно-жёлтых берёзовых крон голубел лёгкий лоскут неба.

Гусев почувствовал на себе ласковый взгляд, как будто кто-то смотрел на него из этого голубого блаженного далека. И тут же забылось, зачем он здесь, в лесу, кто он и чего ищет. Странная безмятежность накрыла его с головой, и Антон весь отдался ей, чувствуя, как не только сердце – всё тело отмякает.

Благодать – мошки уже нет. А то ведь всё лето – в накомарниках. В них не только по кругу ходили, но и спали. Нигде от гнуса спасения не было.

Лейтенант принялся устраиваться поудобнее: положил под голову командирскую сумку, повернулся на правый бок, непроизвольно свернувшись калачиком, как ребёнок. Его охватило такое тихое блаженство, какое бывало в раннем-раннем детстве, когда после купания дедушка заворачивал его в махровую простыню и нёс в постель.

Антон долго глядел на раскинутую между двух сухих стеблей льняную паутину, отливавшую на солнце серебром. Ветерок натягивал её, и казалось, что она вот-вот порвётся. Но паутина не рвалась.

Тошматов молчал, тоже переживая что-то невыразимое.

– Как у вас там сейчас? – спросил Гусев. – Жарко, наверное?

– Где?

– Ну в Намангане твоём.

– А-а... В Намангане хорошо. Арбуз, дыня, виноград... Но я бы сейчас лучше покушал дулмали шурпа. Вы ели когда-нибудь шурпа?

Антону вдруг стало ужасно жаль, что рядом с ним сейчас Тошматов, а не Оля. Что она в больнице, а он здесь. Они сейчас вместе дышали бы этим звонким осенним воздухом и читали бы друг другу стихи.

Когда вокруг была красота, а Оли не было рядом, даже самая малость – божья коровка, ромашка, капля росы, закатный луч – даже они не помещались в душе Антона.

- Джан! – окликнул Гусев.
- Я, товарищ лейтенант.
- А как сказать по-вашему: я тебя люблю.

Тошматов приподнялся и недоумённо уставился на командира:

- А зачем?
- Ну надо. Тебе-то что.
- Мэнсэнисевем, – пробормотал Тошматов.
- Что ты там под нос бурчишь? Я ничего не понял.
- Мэн сэни севем.
- Вот как! Ну так бы и сказал...

Гусев снова откинулся на спину, чтобы ещё раз охнуть в небо. В то небо, какого им уже не увидеть до будущего лета. Как белый полусубок с вешалки, скоро падёт зима.

Мягко подрагивающий берёзовый свет тихими золотистыми струями восходил к небу. Антон узнал этот свет. Он увидел себя маленьким, лет четырёх или пяти, бабушку Настю, их путь куда-то на окраину, истёртые доски деревянных мостков с заманчивыми щёлками, опавшие жёлуди – как гномики в шапочках. А потом – сырой полумрак еловой аллеи, заросшие мхом плиты, кресты и пирамидки со звёздочками, чёрные платочки, снующие, как воронята, в запутанных лабиринтах покосившихся оградок, и над всем этим – тяжёлая и горькая тишина. И тут вдруг в конце аллеи они увидели открытые арочные двери старой церкви, а за ними – порхающие бабочками огоньки. Они постояли так, заглядевшись на этот свет. А потом пошли домой. Бабушка ничего не сказала, а он ничего, кажется, и не спросил...

По небу проплыли сначала лёгкие дымчатые облака, а потом показался свинцовый бок тяжёлой тучи. "Глас скорбящих... облако скорби... – припомнилось Антону. – Вот оно поплыло, облако моей скорби..."

Берёзы и кусты внезапно погасли, трава потускнела, и паутинки перестали серебриться. Сменился ветер, потянуло сыростью таёжного ельника. Какая-то птица закричала над головой: "Уйди! Уйди! Уйди!..."

Лейтенант быстро встал, будто опомнившись.

– Ахмадалиевич, подъём! – окликнул он задремавшего спутника.

Тошматов неохотно поднялся, отряхнулся, забросил автомат за плечо.

Они быстро прошли березняк, и тут оказалось, что склон, на котором стоял объект, лишь предгорье, а настоящая гора начинается лишь здесь, у границы светлых берёз и тёмной, почти чёрной тайги.

Только тут Гусев вдруг осознал, что у него нет ни карты, ни малейшего представления о местности. Но он решил больше не медлить, почему-то полагая, что за ближайшей елью, лиственницей или зарослями

ракетника увидит своих солдат и скажет им: "Ну что, зяблики, вот вы и попались..."

В добром расположении духа Антон всегда называл их зябликами, поскольку все ребята были с юга и хронически мёрзли с сентября по май.

6

Тошматов поспешал за лейтенантом, как телёнок за коровой. Он ни о чём не спрашивал и, кажется, вовсе не интересовался, в каком направлении они идут и не заблудятся ли. Он верил, что командир всё знает, всё предусмотрел. Лишь иногда Тошматов останавливался, чтобы собрать горсть брусники или клюквы. Перед тем, как отправить ягоды в рот, он недоверчиво разглядывал их, потом окликал Гусева:

– Эй, товарищ лейтенант, а вот эти ягоды можно кушать?

Гусев досадовал на задержку, подгонял Тошматова, ломился вперёд, но с каждым шагом ему всё очевиднее становилось, что искать кого-то в такой чащобе – безумие. Он не мог признаться в этом Тошматову, но себя-то не обманешь. Было ясно: никого они не найдут, они сами уже давно заблудились и спешат навстречу смерти. От этой мысли холодели виски.

"Я гибну, гибну... Боже мой, за что? Почему именно сейчас? Завтра Оля ждёт меня в больнице с чёрным свитером и белыми нитками... Нет, наверное, так и должно случиться. Ведь если я не найду своих солдат, разве не справедливо будет и мне потеряться, исчезнуть, раствориться в тайге? Только, Господи, как жаль Олю, как жаль маму! Бедные они, бедные..." – думал Антон, торопя развязку и отчего-то страстно желая стать ещё несчастнее, чем он был на самом деле. Но одновременно какой-то другой голос сбивал Антона с траурных мыслей, приглушая их и не давая предаться им до конца. "Лёгкое по водам прехождение... пленных освобождение... погибших взыскание..."

Антон раздражался на этот совершенно неуместный, как ему казалось, голос и упрямо продолжал твердить своё, безутешное, готовясь вот-вот заплакать от отчаяния и усталости.

Они шли напролом, продираясь сквозь заросли ольхи и крушины, кизильника и шиповника, разрывая хмель и повелику, раздвигая невиданно рослый папоротник, карабкаясь среди мшистых валунов, громоздившихся тут с ледникового периода.

У подножия корабельных сосен и лиственниц лейтенанту виделось их с Олей бедное жилище обетованной землёй, а возвращение в него – высшим счастьем, доступным человеку. Да-да, скорей бы вернуться в этот аварийный двухэтажный барак, стоявший, как инвалид, у проходной секретного завода. Когда-то на заводе был взрыв, и ударной волной дом перекосило. Он испуганно поник по направлению к лесу, который в этой стороне был сожжён кислотой на десятки километров и представлял собой частокол мёртвых стволов. От опасного крена все стены и полы в доме перекошились, мебель пьяно заваливалась на одну сторону,

упавшие клубки, катушки с нитками, монеты и карандаши сразу укатывались. Оля сначала боялась, что барак вот-вот рухнет, ей хотелось плакать, когда она смотрела на покосившийся мёртвый пейзаж в окне.

Первое время и Гусева ужасал этот мёртвый лес, эти коричневые от кислоты лужи под окном, этот мутный от сернистого газа воздух, когда люди идут по утрам к проходной и хором кашляют. Антону казалось, что нельзя вытерпеть и недели такой жизни и вот-вот в химвосёлке или поднимется восстание, или объявят забастовку, или новый генсек явит милость и закроет производство, удушьющее тысячи людей. Что-то непременно должно было случиться. Жизнь, ставшая мукой, обязана была разлететься на мелкие кусочки, удушливая муть, собранная в циклопических цистернах, изъеденных ржавчиной, должна была взорваться, выхлестать, выгореть и развеяться ветром и никогда уже не спуститься до такой обморочной концентрации. Но вскоре Антон перестал ждать перемен, приспособился и к пейзажу, и к воздуху, и к тому, что кашляет по утрам и становится таким же астматиком, как все местные жители. Сосед Алик советовал ему выравнивать окривевшую жизнь посредством приёма алкоголя, но он и без того притёрся к ней, смирился и перестал замечать её кривизну.

Неловко перепрыгнув с одного валуна на другой, Антон ойкнул и пошатнулся, еле удержавшись на ногах. Тошматов тут же вырос рядом и вопросительно заглянул в глаза командиру.

– Нога!.. – выдохнул Антон, морщась от боли. – Подвернул, кажется... Ещё этого не хватало!

Вцепившись в Тошматова и охая, Гусев добрался до лежавшей между камней берёзы. "Ну вот и всё, это конец, – подумал Антон, – я погиб. Теперь нам отсюда никогда не выбраться..."

Берёза была серебристо-седая, вся в каповых наростах – видно, упала от старости. Но по её бокам шла в рост новая жизнь – изумрудно зеленел мох, юный, ещё слабенький кленок покачивал жёлтыми ладошками, а у трухлявого слома примостились опять.

Антон попробовал снять сапог с больной ноги, но опять вскрикнул.

– Давайте я попробую, – предложил Тошматов.

– Ай, оставь! Не трожь... Дай я так посижу.

Тошматов сел рядом, жалостно пригорюнившись, как Алёнушка. Ему хотелось поддержать лейтенанта, отвлечь чем-то приятным.

– Скоро дембель, товарищ лейтенант. Домой к маме поедете...

– Чего ты порешь? – оборвал его Антон. – Мне ещё год вас пасти. А вы расползаетесь, как тараканы.

Тошматов обескураженно замолчал. Потом попробовал продолжить беседу с другого бока.

– Знаете, сержант Санджиев предлагает после дембеля встретиться. Всем взводом. Говорит, лучше в Москве – у памятника Пушкину. А мы с Мирзабековым говорим: зачем в Москве? В Ташкенте тоже есть памятник Пушкину, а вокруг – фонтаны, фонтаны... Красиво! Тут Важа, как всегда, влез: у нас, говорит, в Тбилиси не только Пушкин есть, но и могила Грибоедова. И не только могила Грибоедова, но и могила его жены.

И не только его жены, но и ещё родственника какого-то. Сейчас не помню какого. Все кричать стали: зачем могилы, хотим в Москву! Арутюнян – такой молодец, говорит: не спорьте, встретимся в Ереване. И мы так решили: как вы, товарищ лейтенант, скажете, так и будет. Тогда никому не обидно.

– Не знаю... Надо подумать.

Гусев сидел и слушал боль в левой ноге. Она горячими вспышками поднималась от ступни к колену. Эта боль вышибла из Антона все другие несчастные мысли.

Вокруг сникли осенние краски, будто свечерело. Где-то над тайгой сырые тучи застили небо. Вершины деревьев стали тяжело гнуться и наполнились глухим гулом. Потом после короткого затишья тихо засеял дождь, но до земли он сначала не долетал, теряясь в кронах. Когда первые капли упали Антону на ладонь, он вдруг почувствовал, что душевные терзания отступили. Он вздохнул с облегчением и решил, что нытьём делу не поможешь, а надо идти вот так, как идёт Тошматов – не спрашивая, зачем и куда.

– Тошматик! – ласково окликнул Гусев.

– Да здесь я...

– Помоги встать.

Гусев, держась за Тошматова, поднялся и попробовал идти.

– Нет, так не получится. Найди мне палку.

Тошматов подал первую попавшуюся под руку, и она оказалась в самый раз.

Теперь Тошматов шёл впереди, стараясь обходить преграды и протаптывая тропу для лейтенанта среди вездесущего папоротника.

Гусев ковылял с палкой, то и дело останавливаясь, чтобы отдышаться и протереть очки. По дороге он вдруг стал сочинять стихи для Оли. Правда, сложились только первые три строчки, а дальше что-то не складывалось:

*Всё ещё у нас вернётся,
Голый сад к стенам прижмётся,
Пропуская зимний хлад...*

На одной из скал среди обычной скальной смолёвки лейтенант заметил лишайник благородного серовато-оливкового цвета. В последнее время Антон увлекся петрофитами. Здешнему разнообразию этих растений, стойчески живущих на камнях и скалах, он не уставал поражаться. Иногда он и себя чувствовал тайным петрофитом.

Гусев дал себе слово, что, вернувшись из армии, посвятит себя именно загадочным петрофитам, живущим там, где теоретически жить нельзя.

– Погляди-ка, – окликнул он Тошматова, – шикарная, кстати, вещь – асахиния шоландера. Может, мы её больше никогда в жизни не увидим. Очень редкое растение.

Рахмаджан Ахмадалиевич поковырял пальцем лишайник и зевнул.

– Хлебом пахнет... – вдруг мечтательно заметил он и смешно повёл носом, приносясь.

– А? Чего? – удивился Гусев.

Сквозь дождь откуда-то и правда повеяло булочной. "Ну вот, начались голодные галлюцинации", –

подумал Антон, жалея, что отказался утром от каши, а в обед выпил лишь стакан компота.

– Лейтенант-хон (хон – уважительное обращение – узб.), смотри, – прошептал Тошматов, указывая куда-то за берёзовое криволесье и заросли багульника. Там и правда виднелся автофургон с надписью "Хлеб". Вот откуда на них дохнуло булочной!

– Хлебовозка, – растерянно сказал Тошматов.

– Да вижу, что не летающая тарелка.

Хотя как раз летающая тарелка выглядела бы здесь не так странно, как хлебовозка. Как она могла попасть в тайгу, на это крошечное плато среди скал, да ещё именно в тот момент, когда они уже почти выбились из сил и промокли?

7

В детстве Антон обожал истории о всяческих катаклизмах – наводнениях, цунами, землетрясениях, и особенно о смерчах и торнадо. Однажды он вычитал в "Пионерской правде" заметку о том, как смерч, сорвав крышу с дома, унёс сервант с посудой и опустил его где-то в швейцарских Альпах, не разбив ни одного блюдца. Эта история о чудесном перенесении серванта настолько ему понравилась, что он рассказывал её папе, маме, сестрёнке, украшая свой рассказ подробностями, каких в газете вовсе и не было. Например, он придумал охотника, который охотился в горах и, наткнувшись на сервант, узнал в чашках и блюдцах сервиз своей любимой бабушки.

В кабине автофургона, похоже, никого не было, но машина не выглядела брошенной. За стеклом была заткнута бумага вроде путевого листа, и запах хлеба опять же...

Приволакивая левую ногу, Гусев подошёл к машине, дёрнул дверцу кабины – она распахнулась. На сиденье водителя лежала заношенная войлочная кепка, пачка "Астры", газета "Красноборский рабочий". Дышал теплом не успевший остыть радиатор. Похоже, водитель отлучился по нужде. Лейтенант обошёл машину, покричал: "Эгей, товарищ! Эгей! Есть тут кто живой?.."

Не дождавшись ответа, они забрались в кабину. Так их поманили тепло и булочный дух, что удержаться было невозможно.

По крыше кабины монотонно стучал дождь. К мокрому ветровому стеклу пристали рыжие листовничные иголки. Налаженный в кабине шофёрский быт чем-то был схож с крестьянским. Половичок под ногами, старенькое покрывальце на сиденьях, какая-то выцветшая картинка чуть покачивалась над головой рядом со шторкой от солнца. Часы на приборной доске показывали четыре часа после полудня.

Антон после недолгого раздумья решил посигналить. Звук клаксона был нестерпимо резок, но и на него никто не отозвался.

– А помните, – спросил Тошматов, – как нас на хлебовозку посылали?..

Это случилось в марте. У Гусева была ночёвка в казарме, он спал на дежурной угловой кровати. Часов в пять утра комбат поднял роту по тревоге, а через

полчаса они уже ехали в райцентр, где ночью сгорел единственный в округе хлебовозовод.

Пожар начался в тот момент, когда испечённые в ночную смену кирпичики чёрного, батоны ситного, свердловские слойки с посыпкой и заманчивые пирожки с повидлом отдувались от жара на деревянных решётках, мирно остывали, готовясь отправиться по магазинам, детсадам и школам. Где-то что-то замкнуло, из щитка шарахнули молнии, и через полчаса от завода остались одни железные остовы, которые пожарные добросовестно залили водой. Даже проходная сгорела, остался лишь турникет, похожий на маленькую карусель.

В полутьме зимнего утра полгорода собралось на чадающем пепелище. Прибежавшего из дома без шапки директора хлебовозовода увезли в больницу с инфарктом. Милиция отгоняла людей от цеха, председатель райисполкома уговаривал всех разойтись. Молодые, полюбопытствовав и обсудив происшедшее, разошлись, а старухи так и остались стоять, причитая и всхлипывая.

Гусев вёл своих солдат к чёрному скелету цеха, обходя груды закоптившегося кровельного железа. Они шли помогать, но спасать там было нечего, и ему было стыдно этих бабушек, и он старался не смотреть им в глаза. "Хлебушек наш... Ой, Господи..." – шелестели они и всхлипывали.

Никогда Антону не приходилось видеть ничего горше, чем обуглившийся, похожий на шлак хлеб.

...Окна кабины запотели. Дождь продолжал сонно сеять, сбегая иногда тонкими ручьями по лобовому стеклу. Тошматов задремал, сжимая автомат между колен.

Антон разглядел выгоревшую блёклую картинку, прицепленную на разжатую конторскую скрепку. Это была иконка: Богородица с ликом кротким и в то же время решительным глядела из полукружья нимба, крепко прижимая к себе безмятежного Младенца, окружённого нимбом поменьше. На обратной стороне иконки дрожащим, видно, старческим почерком, было выведено: "Богородице Дево погибших Взыскание и всех скорбящих Радосте".

Антон перевёл глаза на часы: они показывали двадцать минут пятого. Ужас! Через два с половиной часа караул меняется! Антон ещё раз с усилием нажал на клаксон, и от раздавшегося гудка Тошматов очнулся.

– Лейтенант-хон, а как вы думаете, у этой горы есть имя?

– Какое ещё имя?

– Ну, есть Эльбрус, есть Казбек, есть Арарат...

– Эта проклятая гора не доросла до того, чтобы ей название давали. Таким дают только номер – высота такая-то.

– Если нет имени, давайте назовём эту гору Самантой? – предложил Тошматов и покраснел до ушей.

Саманта – это была свежая рана. Недели две назад, только приехали в караул, услышали по радио: в авиационной катастрофе погибла Саманта Смит. Ей было всего тринадцать лет. "Самолёт, на котором она летела, принадлежал к типу самых надёжных. Расследова-

ние займёт несколько месяцев..." А до этого Гусев рассказывал на политинформациях об американской девочке Саманте, о её письме Андропову, потом все её видели – сияющую, хрупкую, нежную – по телевизору, как она приезжала в Советский Союз, как в Артеке ей повязали красный галстук и она смущённо улыбалась, как сказала она на прощание: "Будем жить!.." И всем, кто услышал её, почему-то захотелось плакать – будто гора с плеч свалилась и всё плохое миновало навсегда.

– Ну Саманта так Саманта. Я не против, – согласился Гусев.

– Спасибо вам, товарищ лейтенант, – обрадовался Тошматов, – вам тоже нравится, да?.. Са-ман-та... Какое красивое имя, правда? Похоже на наше, узбекское.

– А ты романтик, оказывается.

– Это как?

– Романтик он и есть романтик. Хороший человек, значит.

– А-а-а... – протянул Тошматов и отпросился на минутку в кусты.

Из кустов он вышел не один. Рядом с ним шёл человек в штормовке и с бидоном.

Антон открыл дверцу и высунулся навстречу:

– Товарищ! Это, наверное, ваша машина?.. Простите, мы вас потревожили...

– Да я не глухой. Боцманская дудка и покойнику побудка, – беззлобно проворчал незнакомец и проверил переднее колесо, слегка попинав его ногой.

– Я лейтенант Гусев, – продолжал Антон, – начальник четвёртого караула.

– Ну, так и славно, и добро. Подержи-ка.

Шофёр подал Гусеву эмалированный бидон с нарисованным на боку бледным васильком, потом откинул капюшон и поерошил остатки волос, когда-то бывших, очевидно, кудрями, а теперь ставших седым пухом, чуть прикрывающим лысину. Под жилистым горлом показалась застиранная тельняшка.

– Хлеб людям отвёз – спасибо никто не сказал. Дай, думаю, брусничник свой проведу, а то всё мимо летаю, как заведённый. Вот она – пошла ягода. Самое время её брать, а то недельки через две заснежит. Гуси вон с утра прут косяками. Жаль, у меня одна тара, материн бидончик. Мне так и не надо, а у жены – почки, ей как лекарство...

И Гусев, и Тошматов в несколько секунд привыкли к этому пожилому, как им казалось, человеку. К тому, как он быстро сыплет словами, как печётся о своём бидоне с нарисованным на боку васильком. Может, они вправду где-то виделись. Может, тогда, на хлебозаводе, а может, ещё где...

– Тебя как зовут-то, лейтенант?

– Антон.

– А тебя? – обратился он к Тошматову.

– Рахмаджан.

– Ну намудрили твои папка с мамкой. Понятное дело – Восток! А я вот Пётр Акимович.

Гусев подвинулся к Тошматову, а Пётр Акимович забрался на своё водительское место.

– Вы тут солдат не видели? – осторожно закинул удочку Гусев.

– А что – убегли?

– Да вроде того.

– Ойся ты ойся, ты не беспокойся, – напел себе под нос водитель, потом вставил ключ зажигания и рукам протёр запотевшее стекло. – Пасутся где-нибудь вдоль колючки, ягоду промышляют. На витамины их осенью тянет. Сыщутся, не журишь. У нас ведь не Афганистан какой-нибудь. В той стороне химвосёл, там – рудник, позади – лесопитомник, а впереди – ваш караул. Вот я жене говорю: и наш парень вернётся скоро.

– Кто вернётся? – не понял Антон.

– Так я ж говорю – сын. В мае с военкомата к нам капитан заходил, тёмный такой лицом: пропал без вести, мол, ваш Валя, а подробностей не знаем. Письма Валькины унёс зачем-то. Жена сразу слегла. Я ей толкую: это же ничего не значит, как потеряли, так и найдут. Человек не иглолка, а он к тому же связист разведроты, рация при нём, найдётся. Накапал ей корвалолу и бегом за тем капитаном. Цапнул его за рукав у крыльца военкоматовского: ты, земляк, не темни, скажи как есть. "Ну что я, – говорит, – тебе скажу? В плену твой Валя. Думаем, что живой – он же офицер, а за офицеров душманы торгуются, сам знаю. Вызволят его непременно. А вам терпение надо иметь..." Только вот про письма забыл его спросить – они-то им зачем? Прихожу домой, а там уж вокруг жены "скорая" суетится – плохо ей стало с сердцем. Укол сделали, умчались, я – утешать. Помнишь, говорю, у меня ж с батей в войну такая же петрушка была: родным сообщили, что пропал, а он по госпиталям мыкался. Вернулся потом орёл орлом. Двадцать лет передовым бригадиром на Первомайской шахте. Валька-то в него – всё на передок ему надо. Однажды с крыши школы на лыжах съехал – горнолыжником хотел быть. На гитаре бацал. Но к десятому классу выправился, в политех поступил на самый трудный факультет. Пока учился, зрение посадил, в очках стал ходить – вот как ты. Его какое-то секретное кабэ присмотрело. Там молодым спецам квартиру через год дают. Ну мы и рады с матерью. Приезжал к нам со своей девчонкой – славная такая тихоня, бледненькая только. Ну в городе-то откуда румянцу взяться? Решили: дипломы защитят, и свадьбу сыграем. А тут – раз и всё набекрень. Милости просим в ряды защитников, распишитесь за повестку. Ну правильно, послужить-то надо. Собрали их, и самолётом в Ташкент. Полный самолёт таких же капиц, как наш Валя, представляешь? Они там на высоте двух тысяч метров кто по-английски меж собой балакает, кто формулы всякие чудные выводит, кто стихи пишет. Ну про это всё он мне в письме потом написал и фотку послал. Где-то она у меня тут...

Пётр Акимович порывлся у себя в нагрудном кармане и протянул Гусеву крошечную, вроде марки, фотографию с белым уголком.

Антон обалдело уставился на снимок: не может быть! Валька Петухов, его сосед по ташкентской казарме, по учебке. Сразу вспомнился тот день, когда их снимали на фоне натянутой между двух платанов простыни. Была жара, они только получили форму на складе, только пришили новенькие лейтенантские погоны, исколов до крови пальцы.

Антон хотел было сказать: это ж Валька, он самый, три месяца голова к голове! Но встречать было неудобно, а шофёр всё рассказывал, навалившись на руль и уставившись в окно, будто пытаясь разглядеть сына за пеленой дождя.

... – Ну, поглазели они на Ташкент, покатались на метро, налопались винограда и отправились искать часть, куда должны прибыть согласно предписанию. У ворот их громаднейший плакат встречает: "Да здравствует советско-афганская дружба!" Нарисованы наш солдатик храбрый и афганец в чалме. Ну, слава богу, думают, а то боялись опоздать на эту войну. Наш офицер ведёт их по военному городку, а по всему плацу сидят кучками хоттабычи и мурлыкают что-то себе под нос. Ребятки теребят своего провожатого: это, мол, что тут за белое солнце пустыни, чего тут делают эти добрые люди? А-а-а, говорит, не обращайтесь внимания, это стражи апрельской революции, царандой по-тамошнему. Мы их тут учим военному делу, а сейчас у них свободное время, культурный досуг. И строго-настрого наказал ребятам не подходить к этой публике, они хоть вроде как и наши, но только-только выбрались из дремучего средневековья, много ещё у них пережитков. Будут цепляться – не поддавайтесь на провокации, имейте снисхождение к братскому народу...

"Да уж, насмотрелись мы на этих братьев", – думал Гусев, вспоминая, как царандоевцы задирались даже в строю, то кидаясь камнями, то исподтишка пытаясь вклеить прикладом промеж лопаток нашим замыкающим, и всё им сходило с рук. Как же – Бабрак Кармаль, интернациональная помощь, ДЭРЭА. Никто из преподавателей-офицеров не скрывал тот прискорбный факт, что предыдущие наборы афганских курсантов почти в полном составе подались к душманам. Возможно, многие из них изначально были засланными казачками. Всем было ясно, что мы старательно, прямо-таки с любовью готовим себе врагов, но никто не в силах был остановить этот абсурд.

Когда курс обучения царандоевцев закончился, оказалось, что для отправки их на родину нужны десятки грузовиков – каждый из афганцев вёз прикупленные в Ташкенте холодильники, стиральные машины, велосипеды, барометры, утюги, швейные машинки и детские коляски. Детских колясок было особенно много. Целый день афганцы загружались на глазах у наших ребят, которые тут же на плацу отрабатывали строевые приёмы. Майор Андреев бегал и шипел: "Не отвлекаться! Не отвлекаться! Тянуть носок..." Но когда караван машин тронулся, Саня Полушин не выдержал и крикнул вдогонку: "Фарца! Жулё!" Майор побледнел, но не успел вмешаться. Кто-то пронзительно засвистел дворовым мальчишеским свистом, и все подхватили и презрительно свистели до тех пор, пока колонна не исчезла в поднявшейся рыжей пыли.

... – Учился он в Ташкенте, – продолжал Пётр Акимович, – сентябрь, октябрь, а в конце ноября – бац, объявляют: несемейные могут подать рапорт в Афган, выберем достойных, ну, а кто успел в загс сбегать – те извиняйте, чести не окажем...

У Антона перед глазами встал тот вечер, когда они узнали, что годными в Афган оказались лишь семеро из семидесяти трёх, подавших рапорта. Им завидовали, их задарили всякими пустяками, а они смущались, как именинники. Трое – из одного с Гусевым взвода. Валька Петухов да двое славных ребят с харьковского радиофака. Харьковчане дружили с детсада и друг к другу обращались: "Витюнчик, милый...", "Юрчик, роденький...". Над ними потешались, а вот где они сейчас – Юрчик с Витюнчиком, живы ли?..

"Какой нелепый день, – думал Антон, – сижу с Валькиным отцом в хлебовозке, держу на ладони Валькино фото, а Валька где-то за тысячи вёрст лежит, может, со спёкшимися губами в душманском подвале... Мне надо сказать Петру Акимовичу... Надо рассказать, как любили ребята Вальку там, в Ташкенте, как мы вскладчину купили ему гитару, как пели и болтали за полночь, как иногда не могли уснуть и смотрели вместе на одну звезду..."

Пётр Акимович включил дворники, они неохотно замотались туда-сюда. Дождь ослаб, просветлело.

– Сейчас на грунтовку выберемся, а там до вашего караула рукой подать. Может, по дороге и солдатиков подберём.

Машина завелась и вперевалочку стала спускаться по еле приметной лесной дороге, круто уходящей под гору. Тошматов клевал носом, обняв автомат. Гусев прижимал к груди бидон с брусничкой. Раскачивалась над головой иконка, ласточкой металась перед глазами.

... – Я первое время по ночам говорил с ним: ты чего, сынок, нам не пишешь?.. Ну никак я не мог помыслить, что с ним там такое случилось. А как случилось – мать моя мне вот эту иконку дала. Молись, мол. Я ей: ты что, маманечка, запомнявала – я же у тебя некрещённый. А она: всё равно молись. В таких случаях Богородица и некрещённых слышит. Ну вот и возю её с собой, тут никто нас не видит, еду да беседую с ней. Домой ухожу – с собой забираю, на сердце кладу. У неё сын, у меня – сын, одно горе. Может, и правда услышит, а?..

Съехав с горы, машина нырнула в овражек. Здесь тайга уступала место жиденькому мелколесью с болотцами и ручьями, подсыхавшими за лето, а с осенними дождями опять превращавшимися в трясины. Машина уже почти проскочила низину, но на подъёме вдруг надсадно заёрзала на месте, её повело набок, а задние колёса наполовину зарылись в глину.

Пётр Акимович выключил мотор и пошёл поглядеть, что случилось. Следом за ним и Тошматов спрыгнул в грязь. Гусев оставил бидон на сиденье и, щадя больную ногу, выбрался наружу.

Хлебовозка застряла в глубокой луже. Втроём молча и ожесточённо стали ломать кусты и подкладывать ветки под задние колёса. Потом Акимович вернулся за руль, а Гусев с Тошматовым по команде толкали машину сзади.

Колёса уминали ветки и крутились на месте, раскидывая грязь. Задний мост всё глубже уходил в топь, капот всё выше задирался.

– Шабаш, ребятки! – скомандовал Пётр Акимович и заглушил мотор. Потом вылез из кабины на ступеньку и, опершись на дверцу, закурил.

Гусев отошёл в изнеможении от фургона и стал протирать очки. Вновь заныла нога, и Антон чуть не заскулил, как собака, которой отдавили лапу.

Тошматов сел на пенёк и забормотал, вытирая с лица грязь потной пилоткой:

– Дуст минг булса хам оз...

– Он чего? – спросил вполголоса Пётр Акимович лейтенанта и кивнул на Тошматова. – По-русски совсем не кумекает?

– Кумекает, и не хуже нас с вами.

– А чего он тогда?

– Да это он так, сам с собой.

Тошматов размотал портянки и радостно пошевелил освобождёнными пальцами ног:

– Душман бир булса хам куп...

Гусев окликнул:

– Джан, переведи – чего ты сказал?..

– А я ничего... молчу...

– Ну до этого ты что-то сказал.

Пётр Акимович напомнил:

– Про душманов что-то...

– А-а-а, – закивал Тошматов, – это я вспомнил, как мой дедушка говорит. Но эти душманы – не те душманы.

– Ну и добро, что не те, а дед-то что? – нетерпеливо спросил Пётр Акимович.

– Он говорит: тысяча друзей – мало, один враг – много.

– Аксакал! – одобрил Пётр Акимович. – А вот я дурак. Знал ведь, что после дождя тут не проехать. Не надо было и соваться. Тёперича вам, ребята, придётся пешком. До поворота дойдёте – каланчу увидите, а за ней ваш караул. С полчаса ходьбы.

– Мы вас не бросим, – сказал Гусев.

– А что толку всем тут сидеть? Зайдёте на пожарку, сообщите, что Акимыч на хлебной застрял у Ганькина ручья. Они выгатают. Только вот нога у тебя... Давай бойца пошлём, а? А ты оставайся, костёр сладим...

– Не, мы вместе.

– Ну, тебе виднее. Ты у нас Кутузов.

Гусев с Тошматовым поднялись на взгорok и увидели дорогу, которая делала тут поворот, огибая топкую лесину и уходя к вечереющим далям. Виднелась колокольня-каланча, а под ней – россыпь неказистых строений.

Гусев так и не сказал Петру Акимовичу, что был в учебке вместе с Вале́й, и сейчас мысль об этом окатила его стыдом. Он замешкался, отстав от Тошматова, оглянулся на хлебовозку и стоявшего рядом с ней Петра Акимовича в тельняшке.

"Потом, потом, не сейчас, – подумал Антон, – вот дадут мне выходной, и я найду его... А пока то да сё, может, и Валька найдётся. Приду к Петру Акимовичу, а там – Валька. Вот бы так..."

Гусев помахал рукой Петру Акимовичу, тот кивнул в ответ.

Вдруг Антон услышал над головой, в вышине, странный звук, как будто где-то в глубине неба забил родник. Он посмотрел туда, откуда призывно пульсировал звук. Там, где небо из дневной бледности,

из голубоватых и бледно-зеленых тонов переливалось в густую синь погожего осеннего вечера, – там летел, перекликаясь, клин журавлей. Трудно было проследить его путь, поскольку низкие лучи заходящего солнца били в глаза.

Тошматов тоже, закинув голову, глядел на журавлей. И Пётр Акимович сделал ладонь козырьком и провожал их взглядом. Сверкнув на секунду крыльями, журавли растворились в сиреневых закатных облаках, взмыв ещё выше над землёй. Родник умолк, и лишь какая-то струна, натянутая вдоль небосклона и задетая журавлями, горько заныла вослед, но и она утихла.

И тут вдруг Пётр Акимович неожиданно запел сильным голосом вольного казака:

За холмом дальо-о-ким зорька догора-а-а-ла!..

Где-то под гармошку песня разлива-а-лась...

Журавли лете-е-ели над родимым кра-а-ем

И всю боль разлу-у-уки сердцем понима-а-а-ли!..

Гусев оглянулся на Петра Акимовича, тот махнул: мол, ступайте-ступайте...

Они пошли к солнцу, а оно уже падало за чёрную грядку леса, лучи его рассыпались прощально по горизонту.

Вдруг сзади послышался шум машины. Их быстро нагонял открытый грузовик-полторка, выпущенный ещё, очевидно, во время войны. Какая-то шумная и, кажется, нетрезвая компания веселилась в громыхающем кузове.

Гусев с Тошматовым еле успели отойти на обочину. Машина обдала их грязью и, громыхая дощатыми бортами, пронеслась дальше. Но вдруг сидевшие в кузове всполошились и отчаянно забарабанили по кабине. Грузовик резко затормозил.

Из кузова призывно замахали руками. Гусев вдавил очки в переносицу, близоруко глядявываясь.

– Наши... – растерянно произнёс Тошматов, – куда-то поехали...

– Кто там? – спросил Гусев.

– Мамедов вижу... Такаев вижу... Арутюнян тоже вижу...

Гусев захромал к машине. Первым он признал Барлыка, который кричал: "Как вы тут оказались, товарищ лейтенант?!.. Что у вас с ногой?..."

Сержант с удивлением разглядывал лейтенанта, его исцарапанное лицо, сбившуюся набок фуражку, заляпанные глиной сапоги.

Антон спросил:

– Все живы?..

– Живы и суслики, и зяблики! – радостно отозвался Барлык.

– Живы! – закричали вразнобой с кузова. – Мы за красной ягодой ходили, товарищ лейтенант! Вот и вам набрали – кушайте, пожалуйста...

Из кузова в руки лейтенанта опустилась пилотка с брусничкой. По изнаночному краю пилотки шариковой ручкой было написано: "Ряд. Мамедов, 2 взвод".

Барлык стал сбивчиво рассказывать, как одного за другим приманила часовых дырка в колючке, как разбрелись они по лесу, растерялись, утешаясь ягодой; как сбил он их в кучу, как набрали на какого-то местного старичка, как вывел он их на тракт и они поймали там вот эту машину...

Тошматов забрался в кузов, ожидая, что и лейтенант сядет в машину, но Гусев сказал Барлыку:

– Мне еще на пожарку зайти надо. А ты проверь оружие и всех по списку. Через полчаса – смена. Давай мухой...

– Не волнуйтесь, товарищ лейтенант.

Грузовик чихнул гарью и поехал. Ещё пару минут солдаты видели на дороге знакомую фигуру, но потом она пропала за поворотом.

Лейтенант нёс в руках пилотку с брусникой и думал о том, что сейчас попросит на пожарке банку для ягод, а завтра утром отнесёт их в больницу.

Антону показалось, что у него мокрое лицо. Странно, а он и не заметил, что плакал. Но дорога плыла у него перед глазами, качалась каланча-колокольня, лес черно кружил, и он понял, что всё ещё плачет. Вздрагивая плечами и теряя бруснику, он будто не брёл сбитыми ногами по засохшей комками колее, а плыл в мареве сумерек. Он не чувствовал ни ног своих, ни рук, ни даже сердца. И всё бормотал, опасаясь забыть: "Чёрный свитер, белые нитки... А бруснику пересыпать сахаром..."

О происшествии в четвёртом карауле никто из солдат не проговорился.

Через четыре месяца Оля Гусева родила сына.

А ещё через полгода Гусева уволили в запас, присвоив напоследок звание старшего лейтенанта. Ротный подарил ему книжку из "Всемирки" – "Посмертные записки Пиквикского клуба" с надписью: "В память о совместной службе! Всего тебе доброго, дорогой товарищ, Сергей Сметанин. 17 июля 1989 г."

Перед отъездом Гусевы зашли в гараж к Петру Акимовичу. Вестей от Вали не было (но вот-вот они должны были появиться: войска из Афганистана ещё весной вывели и, судя по прессе, где-то в Европе шли переговоры по поводу ребят, попавших в плен). На прощание Пётр Акимович открыл кабину своей хлебовозки и вынул из-под ватника батон – ещё тёплый.

"...Расстанемся же с нашим старым другом в одну из тех минут неомрачённого счастья, которые, если мы будем их искать, скрашивают иногда нашу преходящую жизнь". (Ч. Диккенс. Посмертные записки Пиквикского клуба).

Расстанемся же, как расставался Диккенс. Но прежде ещё раз оглянемся туда, где остался Гусев...

Вернувшись в город, Антон послал своему взводу шутовское письмо. Среди прочего написал и о том, что вот разберётся со своими делами, встанет на ноги и где-нибудь года через два-три – ждите в гости. "Начну с Барлыка, конечно, с Элисты, а там – жди нас, Баку и Шуша, Ереван и Спитак, Тбилиси и Наманган... А ещё очень хочется к тебе, Тойчиев – на Иссык-Куль посмотреть..."

Об этом письме он почему-то быстро забыл. Вокруг роилась жизнь, мало похожая на ту, которую он оставил. Можно было подумать, что прошло лет двадцать,

а не два года. Вокруг была другая музыка, другие лица, другие разговоры.

Многие из гусевских однокурсников уехали – кто в Москву, а кто и за границу. Оставшиеся, встречая Гусева, весело звали его куда-то, тащили, допрашивали: "Читал?.. Видел?.. Слышал?..", но присесть на скамейке и просто поговорить не соглашались.

Кто-то в знак протеста поселился в палатке на площади перед обкомом, и ему завидовали, как путешественнику или первооткрывателю.

В первые недели на гражданке Гусев радовался этой шумной и весёлой возне и пытался влиться в неё, как умел. Ему страшно нравилось идти туда, куда хочется, нарушать правила уличного движения и спорить с милиционерами.

Счастье блесело за линзами его очков, и он готов был делиться этим счастьем со всем миром. Жизнь прекрасна, а как она прекрасна, знает только он, Антон Гусев, старший лейтенант запаса.

Газеты больше не пугали войной, а сулили мир, полное и всеобщее разоружение, открытые границы. И если бы в потоке этих сообщений Гусев прочитал, что на месте секретных складов, вокруг которых он ходил два года, разбили розарий или поставили теплицы для огурцов – он бы поверил. В эти дни он верил всему хорошему и не верил ничему плохому. И ещё долго после этих дней в нём теплилась надежда, что, пока его сын будет ходить в детский сад, на земле всё устроится самым лучшим, самым добрым образом.

Но скоро выяснилось, что есть вещи, которые могут выбить его из колеи. Пока Антон отгуливал свой последний офицерский отпуск, умер профессор Леопольд Андреевич Гехтлер. В аспирантуре места для Гусева не нашлось.

Антону предложили поработать на университетской биостанции в ста километрах от города. Там был домик для семейных сотрудников, и он, посоветовавшись с Олей, согласился. Договорились, что Оля с ребёнком приедет к нему, когда он утеплит их новое жилище и найдёт что-то из мебели.

После работы Антон до ночи засиживался в библиотеке биостанции, подбирал необходимую литературу. Название своей работы он уже придумал, и оно казалось ему очень красивым: "Петрофитная флора доледниковых горных пород северного склона Среднего Урала".

Аспирантура никуда не денется, думал Антон, и ему опять ужасно хорошо было жить с мыслью, что армия позади и ничего такого уже не будет. Ни перекопленного барака, ни караулов "через день на ремень", ни ночных проверок, ни хохота Жердевого... Армия была сном, инобытием, из которого он выскользнул обратно в реальность, и с этого момента исчез на карте и Красноборск, и отдельный батальон, и четвёртый караул, а комбат Харлов стал призраком, смешным и нелепым.

Хуже того, что было, уже не будет. И никогда уже он не потеряет своих солдат. С ним, в блокноте, их домашние адреса. Такаев, как и обещал, пригласит его на свадьбу, Рамазанов – на день рождения, а Арутюнян – на свой концерт.

По выходным Гусев читал Диккенса, спал до обеда, пытаясь отоспаться за все бессонные караульные ночи, смотрел телевизор, слушал "Наутилус Помпилиус", спорил с коллегами о Сахарове и Солженицыне, скучал об Оле и сыне, опасаясь, что пропустит тот момент, когда сын сделает первые шаги.

Однажды вечером выключили электричество. Работа в тот день не ладилась, и Антон даже обрадовался, что остался без света. Не зная, чем заняться, он слушал тихо бубнящий транзистор. Одинокая звезда слезилась в просвете занавесок. Антону стало грустно думать о том, что его научная тема не так уж и важна и что вряд ли стоило уезжать из города, подвергать новой разлуке Олю и малыша, а надо было плюнуть на науку и заняться чем-то свежим, практическим.

Гусев вдруг почувствовал, что на этой биостанции он никому не нужен, ничего тут от него не зависит, а значит, нет смысла, нет того обжигающего смысла, который был в армии. Быть каждую минуту между жизнью и смертью страшно, но выпасть из этого порядка вещей, оказывается, отраднее лишь на первых порах.

Тут в дверь постучали, и лаборант, только приехавший с почты, передал Гусеву письмо с треугольным штемпелем полевой почты.

Антон нашёл спички, зажёл стеариновую свечку.

"Здравствуй, товарищ лейтенант!"

Получили от вас первую весточку – очень этому рады. Спасибо, что не забыли. Мне, отдавшему Вам частичку сердца, трудно было после Вашего отъезда. Всё время ощущал нехватку отобранного у меня общения с Вами. А теперь Ваше послание согревает душу.

У меня всё нормально, могу похвастать своими наградами. Мне дали "колючку" первой степени, звание старшего сержанта, и самое главное – благодарственное письмо на родину.

Ваше место теперь принадлежит молодому лейтенанту Галышеву. Боевитый товарищ, но ошибается по неопытности – это не только моё мнение. Сафретдин Малаев всё так же заступает начальником караула во второй, а я – в четвёртый. Он Вам шлёт крупнейший привет.

Порой невесёлые мысли на меня находят. Почти нет людей, которые меня понимают. Может быть, я такой плохой человек и поэтому столь плачевный результат. Но я не хочу и не могу быть похожим на других. Чувствую, что много ною, и поэтому прекращаю это дело. Буду, как вы советовали, расширять кругозор, повышать любознательность и побольше читать.

Шлю Вам фото. Это будет для Вас эхом прошлого.

Не хотел бы Вас терять совсем навсегда.

Желаю успеха в Вашей научной работе.

Ваш Барлык. 30 сентября 1986".

Антон набросил оставшийся от армии полевой китель с погонами старшего лейтенанта и поскорее вышел на тёмный двор, будто там его кто-то ждал. Никого там не было, лишь собака лениво завозилась в конуре. Ребята с соседней метеостанции обещали снег, и всё затихло в его ожидании.

Гусев подошёл зачем-то к калитке, распахнул её и окунулся глазами в глушь ночного осеннего поля. Ему

почудилось, что на другом конце этого поля – четвёртый караул, Барлык, Тошматик, кошка Плюшка и все его зяблики-суслики. И где-то неподалёку – гора Саманты Смит, хлебовозка, Пётр Акимович в тельняшке... Неужели это было всего лишь год назад?..

Вдруг скрипнула дверь, чиркнула спичка – кто-то вышел покурить.

– Гусев, ты, что ли?..

– Я... – отозвался, помедлив, Антон.

– Ты чего-то всё один да один. Приходи, у нас там Генка, Шурик, Люська...

– Приду.

– Вот ведь как: подстанция вырубилась, и мы опять в пещерном веке. А мне завтра отчёт сдавать... Чего молчишь?.. Грусть-тоска? А кому сейчас весело? Будь проще, и люди к тебе потянутся.

Дверь захлопнулась.

Гусев вышел за калитку, на дорогу. С полей веяло чистыми огородами, холодным капустным листом, перекопанной остывающей землёй.

Антон привык к темноте и различал крыши посёлка, печные трубы с белёсым дымком, силуэты телеграфных столбов. Он смотрел в набрякшее снегом ночное небо и думал, думал с каким-то давно не испытанным сладким замиранием сердца.

И тут стало непонятно – идут минуты, часы или целые ночи. Казалось, не только свет, но и время выключили.

Он вдруг вспомнил себя прошлогоднего – так, как внезапно постаревший человек видит себя молодого – с тревожным родительским умилением. Он увидел измотанного от бессонницы, несчастного и потерянного мальчишку-лейтенанта, который идёт сквозь бесснежную, кромешную осеннюю ночь, бредёт в нелепой фуражке, с полевой сумкой, набитой книжками и письмами, и, не зная молитв, бормочет стихи. На два часа проверки нужно много стихов, много строчек, много воспоминаний. Он идёт и не смотрит под ноги, он смотрит только в небо, когда оно звёздное, а когда нет звёзд, он всё равно в него смотрит, идёт и спотыкается, и падает, и проваливается куда-то, но не может оторваться от неба...

"...Господи, Боже мой! И почему Ты так низко, так близко склонялся тогда ко мне, ведь я совсем и не думал о Тебе? Как Ты внушил мне любовь и жалость к этим подросткам-солдатам, пришедшим из чужедельных мест и казавшимся мне в первые дни ордой, которая вот-вот растерзает меня?.. Как вдохнул Ты в меня отцовские чувства к этим ребятам, дал уразуметь их речь, рассыпанную на шестнадцать языков? Как Ты не позволил им перестрелять друг друга в тоске и беспросветности полярных ночей?.. Ах, Боже-Боже, как мне жить дальше, чтобы ты не отвернулся от меня?.."

Вокруг было тихо, безответно. Но Антон не уходил, он ждал.

"ШУМИТ НАД КОЛОМНОЮ

ИМЯ

Холодит и беспокоит ветер
Сумрачное, редкое жнивье.
Ты зачем на этом белом свете,
Имя древнерусское моё?
Что тебе от этого простора
И земли, продутой сквозняком?
Где тебе –
    с отсрочкой или скоро –
Уготован горестный укор?
Что тебе до этого напева
Вечность обнимающих ветров,
Где твоё мучительное древо,
У каких исчезнувших дворов?
Даль знобит и дышит
    так глубоко!
Всяк здесь равен:
    мёртвый и живой.
Почему ж тебе так одиноко
Перед этой ширью ветровой?
На какую и на чью потребу
Ты в миру блуждаешь –
    не понять...
Раз произнесённое под небом,
Ты летишь,
    летишь к нему опять...

В КОЛОМНЕ

Ничего я не знаю, что помню,
А что помню – о том не слышал!
Закачусь я в родную Коломну,
В колыбель моих самых начал!
Да по ветхим пройду
    переулкам
Вдоль обрыва над древней рекой,
Где в пустующем сумраке гулком
Разливается зябкий покой.
Постою пред Успенским собором,
И порывом скользнёт
    вдоль виска
Грустный воздух Отчизны,
    в котором
Настоялись века и века!
И я, словно причастный
    к ним тоже,
Что-то смутное в сердце храня,
Вдруг почувствую
    вздрыгнувшей кожей,
Как они – сквозь меня,
    сквозь меня!

ПАМЯТИ ГЕНЕРАЛА В.Д. КРЕНКЕ

Виктор Данилович Кренке,
Славной войны генерал;
Виктор Данилович Кренке
Шипку оборонял.

Таяла 26-я...
Турки катились, как вал...
Но, впереди вырастая,
Вёл смельчаков генерал.

Жил и сражался по чести,
Трижды на дне умирал...
К старости – в тихом уезде,
В Тихвинском, жизнь коротал.

Нынче его деревеньки
Нет и в помине... Погост,
Где опочил храбрый Кренке,
Жилистым лесом порос.

Зыбко припомнив заслуги,
Камень с могильной земли
Чьи-то незлобные руки
К тракту перенесли.

Возле – сельпо, где торговля
Водкою разрешена...
Жаль, что не память сыновья
Манит сюда дотемна.

Горько мне, что спозаранку
Вижу на камне седом
Опустошённую склянку,
Хлебные корки с сырком;

Что не гвардейскою ротой
В праздник почтён генерал,
А бессловесной икотой
Тех, кто уже перебрал.

...Таяла 26-я...
Турки катились, как вал...
Но, впереди вырастая,
Вёл смельчаков генерал.

Встал у дороги я с краю...
Шипки мерещится синь...
Горько слова я роняю:
– Сколько ж нам жить
    без святынь!

ЗАРОСШИЙ ПРУД

Заросший пруд, осока да куга,
Развалины старинного поместья.
В дрожащей поволоке берега,
Расплавленно сверкает
    поднебесье!
И пегий мох
    на пасмурных камнях,
Стрекозы над крапивой,
    лопухами.
Уже столетье,
    в нескольких шагах
Здесь барышня вздыхает
    над стихами.
В панаме белой,
    в платье кружевном,
Через разруху, тлен
    и катаклизмы
Сидит себе на камушке своём
Дыханьем той,
    исчезнувшей Отчизны.
Ты не спугни
    такой счастливый миг:
Ветла над камнем
    солнечно струится,
Над этим миром
    мёртвых и живых
Шуршит листва,
    как вечные страницы.
Гляди, гляди
    с душой почти пустой,
Дитя материализма и застоя,
Как шмель над камнем кружит
    золотой,
Отыскивая время золотое...

А РОДИНА – ЭТО СУДЬБА...

А Родина – это дорога,
Которую грезит стопа.
И запах прогорклого стога,
И дедовская изба.

– Ну как отдежурил? – спрашивает один молодой офицер другого.

– Как всегда, нормально.

– Тогда заступаешь ответственным по ЖКХ!

– А это ещё что?

– Женщины, коньяк, хата...

Врач, выходя из палаты, говорит прооперированному:

– Отдыхайте. Набирайтесь сил. А на ночь я пришлю к вам медсестру. – И слышит, как тот отвечает тихо-тихо:

– Доктор, давайте в следующий раз. Сегодня у меня всё болит...

"Запомни, – наставляет молодожёна опытный муж. – Разобраться, с кем связал судьбу, довольно просто. Если ты пришёл домой, крепко при-

няв на грудь, злая жена станет прочищать мозги; добрая – накормит и уложит спать; а нормальная – и то, и другое".

Когда, беседуя по телефону с подружкой, ваша супруга усердно повторяет: "И мой тоже!" – будьте уверены: о похвалах речь не идёт.

Взросление наступает тогда, когда в лютый мороз идёшь без шапки и чувствуешь себя не крутым, а дебилом...

– Я зарабатываю теперь втрое, а тебе всё мало! – возмущается муж.

– Так не забывай, что к нам переезжают моя мама и бабушка.

Мать одного ребёнка наивна и неопытна, как новобранец. Мать двоих – спокойна и уверена, как дембель. Мать троих – это уже спецназ.

Лейтенант проспал. Звонит телефон:

– Молодой человек, – журчит на другом конце провода приятный женский голос, – вы хотите бесплатного секса по телефону?

– Конечно, хочу!

– Тогда соединяю вас с командиром батальона...

Книга Виктории Миленко, посвящённая русскому писателю Аркадию Аверченко (1880-1925), вышла недавно в молодёжной серии "Жизнь замечательных людей". Она не может не порадовать любителей отечественной литературы. Не говорю уже о тех, кто особенно ценит юмористику. Ведь в своё время Аверченко снискал славу "короля сме-

КОРОЛЬ СМЕХА

ха". Его тонкий, остролюбодневный юмор хорошо знали в дореволюционной России. Он приучил публику к чуть ли не ежегодному выпуску новых книг, был основателем, редактором и многоликим автором популярнейших журналов "Сатирикон" и "Новый Сатирикон".

Аверченко горячо приветствовал Февральскую революцию 1917 года и всадил своей знаменитой книгой "Дюжину ножей в спину революции" Октябрьской. Всадил так, что рецензией на неё вынужден был откликнуться сам пролетарский вождь Ульянов-Ленин. И называлась она тоже примечательно: "Талантливая книжка"...

Севастопольский исследователь Виктория Дмитриевна Миленко попыталась составить объёмное жизнеописание своего знаменитого земляка, ввела в обиход массу новых документов и фактов, предста-

вила обширную географию его пребывания как на Родине, так и в эмиграции, круг его общения, в который входили Куприн, Леонид Андреев, Теффи, Саша Чёрный, Маяковский...

Уверен, что встреча с блестящим писателем – юмористом, сатириком – непременно заставит вас обратиться и к его творчеству. А для затравки предложу фрагмент из рассказа "Старческое". В нём писатель представляет в самом начале XX века, как лет через 50 внук станет расспрашивать его о молодости и как трудно будет ему растолковывать давние привычки и повадки. Иначе говоря – пережитки.

Евгений АРТЮХОВ,
член Союза писателей
России

А В ЧЁМ-ТО ДАРВИН ПРАВ...

– Папа, это правда, что аисты приносят детей?

– Нет, сынок! Аисты приносят хаос и разрушения.

Из кулинарной книги военного: "Лучше всего варить картошку в мундире. В этом случае придётся чистить только ту, которую будешь есть сам".

Молодая пара идёт по улице. Парень засмотрелся на проходившую мимо пышногрудую блондинку. Вторая половина ловит его взгляд и спрашивает:

– Ну и что? Стоила она того скандала, который тебя ожидает?

Около склада звучит с укоризной:
– А вот гостеприимные сторожа жаряжат ружьё солью и хлебом...

Смотришь на некоторых и думаешь – а в чём-то он всё-таки прав, старик Дарвин...

Фараоны строили пирамиды, чтобы хоть в них укрыться от назойливых потомков.

Да здравствует торжество разума в одной, отдельно взятой голове!

– Какой у тебя характер тяжёлый!

– Конечно, тяжёлый. Ведь золотой же...

Низменные инстинкты чаще всего проявляются у высших существ.

Некоторые люди – как минное поле. Лучше обходить стороной.

Ты сам себе страшный суд.

Да убоись себя самого!

И баксики зелёные в глазах...

Он был военным до костей в мозге.

Плох тот генерал, который забыл, что был солдатом.

Сказка о рыбаке и рыбке. К пиву.

"Отдать концы!" – это не флотское. Это летальное.

...– Дед, – говорит Костя, – что ты всё спишь да спишь... Рассказал бы что-нибудь. Эх, ты!.. А ещё мама говорит, что писателем был.

Мои потухшие глаза чуть-чуть загораются.

– А ведь был же! Ей-богу, был! Помню, выпустил как-то книжку "Весёлые устрицы". Годов тому, поди, пятьдесят будет. Один критик возьми и напиши: "Этот, говорит, молодой человек подаёт надежды..."

– Подал? – спрашивает внук, с любопытством оглядывая морщинистого "молодого человека".

– Что подал?

– А надежды-то.

– А пёс его знает, подал или не подал! Разве тут было время разбирать? Да ты сам взял бы какую книжку с полки да почитал бы дедову стряпню, хе-хе-кхе... Кхе!

– Ну её, – с наивной жестокостью детской души морщится внук. – Ещё доставало чего! Почитать... Ничего я там не пойму.

А у меня уже и самолюбия авторского не осталось. Всё старость проклятая выела. Даже не обидно.

– Ну чего ты там не поймёшь? В моё-то время люди всё понимали. Неужто уж умнее были?

– Нет, непонятно, – вздыхает внук.

– Вдруг сказано у тебя там: "Приятель чокнулись, выпили по рюмке водки и, поморщившись, поспешили закутить". "По одной не закутывают, – крикнул Иван Иванович..." Ни черта, дедушка, тут не разберёшь.

– Вот те раз! Чего ж тут непонятного?

– Да что это такое – водка? Такого и слова нет.

Молодостью повесело на меня от этого слова – водка.

– Водка-то, такое слово было.

– Что же оно значит?

– А напиток такой был. Жидкость, понимаешь? Алкогольная.

– Для чего?

– А пить.

– Сладкая, что ли?

– Эва, хватил. Горькая, брат, была. Такая горькая, что индо дух зашибёт.

– Горькая, а пили. Полезная, значит, была? Вроде лекарства?

– Ну, насчёт пользы – это ты, брат, того. Нищим человек от неё делался, белой горячкой заболел, под заборами коченел.

– Так почему же пили-то? Весёлым человек делался, что ли?

Я задумчиво пожевал дряхлыми губами.

– Это как на чей характер. Иной так развеселится, что вынет из кармана ножик и давай всем животы пороть.

– Так зачем же пили?

– Приятно было.

А вот у тебя там написано: "Выпили и поморщились". Почему поморщились?

– А ты думаешь, вкусная она. Выпил бы ты, так похуже, чем поморщился...

– А почему они "поспешили закутить"?

– А чтоб вкус водочный отбить.

– Противный?

– Не без того. Крякать тоже поэтому же самому приятно было. Выпьет человек и крякнет. Эх, мол, чтоб ты пропала, дрянь этакая!

– Что-то ты врёшь, дед. Если она такая противная на вкус, почему же там дальше сказано: "По одной не закутывают".

– А это чтоб сейчас другую выпить.

– Да ведь противная?

– Противная.

– Зачем же другую?

– А приятно было.

– Когда приятно – на другой день?

– Тоже ты скажешь: "на другой день", – оживился я. – Да на другой день, брат, человек ног не потащит. Лежит и охает. Голова болит, в животе

Евгений РЯБИНИН

* * *

"КОГДА ДУША ЩЕБЕЧЕТ, СЛОВНО ПТИЧКА..."

* * *

"Мы рождены,
чтоб сказку сделать былью", –
твердил дурак,
обламывая крылья.

ВЕШНИЙ КАЗУС

Так настроенье переменчиво
души, весною воспалённой,
что от капризов зрелой
женщины
толкает к глупостям зелёной.

ГЕОМЕТРИЧЕСКОЕ

Садовник стриг кусты
вдоль мостовой,
прямоугольным делая их
строй,
и в такт качал,
довольный сам собой,
своей прямоугольной головой...

У КОГО ЧТО

Для Афродиты –
море колыбелью.
Для вас – жестянка
с жареной мокрелью.

"Москва!"

Как много в этом звуке,
когда идёт удача в руки.
Когда ж обходит стороной,
и звук какой-то жестяной.

ПРИВЫЧКА

Когда душа щебечет,
словно птичка,
привычка жить –
прекрасная привычка.
Но если жизнь
становится ужасна,
привычка жить –
мучительно прекрасна.

мутит, и на свет божий глядеть тошно
до невозможности.

– Может, через месяц было хорошо?
– Если мало пил человек, то через
месяц ничего особенного не было.

– А если много, дед, а? Не спи.
– Если много? Да если, брат, мно-
го, то через месяц были и результаты.
Сидит человек с тобой и разговарива-
ет, как человек. Ну а потом вдруг... трах!
Сразу чертей начинает ловить. Смехи.
Хи-хи. Кхе-кхе!

– Ка-ак ловить? Да разве черти есть?
– Ни шиша нет их и не было. А
человеку кажется, что есть.

– Весело это, что ли, было?
– Какой там! Благим матом человек
орал. Часто и помирили.

– Так зачем же пили? – изумлённо
спросил внук.

– Пили-то? Да так. Пилось.
– Может, после того как выпьют,
добрыми делами занимались?

– Это с какой стороны на какое
дело взглянуть. Ежели лакею физионо-
мию горчицей вымажет или жену по
всей квартире за косы таскает, то для
мыльного фабриканта или для парик-
махера это – доброе дело.

– Ничего я тебя не понимаю.
Внук накрутил на палец коль-
цо своих золотых волос и спросил,

решив, очевидно, подойти с другой
стороны:

– А что это значит "чокнулись"?
– А это делалось так: берёт,
значит, один человек в руку рюмку и другой
человек в руку рюмку. Стукнут рюм-
ку о рюмку да и выпьют. Если человек
шесть-семь за столом сидело, то и тог-
да все перестукиваются.

– Для чего?
– А чтобы выпить.
– А если не чокаться, тогда уж не
выпьешь?

– Нет, можно и так, отчего же.
– Так зачем же чокались?
– Да ведь, не чокнувшись, как же
пить?

Я опустил голову, и слабый розо-
вый отблеск воспоминаний осветил
моё лицо.

– А то ещё, бывало, чокнутся и гово-
рят: "Будьте здоровы", или "Исполни-
ние желаний", или "Дай бог, как гово-
рится".

– А как говорится? – заинтересо-
вался внук.

– Да никак не говорится. Просто
так говорилось. А то ещё говорили:
"Пью этот бокал за Веру Семёновну".

– За Веру Семёновну – значит, она
сама не пила?

– Какое! Иногда как лошадь пила.

– Так зачем же за неё? Дед, не спи!
Заснул...

А я и не спал вовсе. Просто унёсся
в длинный полуосвещённый коридор
воспоминаний. Настолько не спал,
что слышал, как, вздохнув и отойдя от
меня к сестрёнке, Костя заметил собо-
лезнующе:

– Совсем наш дед Аркадий из ума
выжил.

– Кого выжил? – забеспокоилась
сердобольная сестра.

– Сам себя. Подумай, говорит, что
пили что-то, от чего голова болела, а
перед этим стукали рюмки об рюм-
ки, а потом садились и начинали чер-
тей ловить. После ложились под забор и
умирали. Будьте здоровы, как говорится!

Брат и сестра взялись за руки и,
размахивая ими, долго сочувственно
разглядывали меня. Внук заметил, сно-
ва вздохнув:

– Старенький, как говорится.
Сестрёнке это понравилось.

– Спит, как говорится. Чокнись с
ним скалкой по носу, как говорится.

– А какая-то Вера Семёновна пила
как лошадь.

– Как говорится, – скорбно пока-
чала головой сестрёнка, – совсем
дед поглупел, что там и говорить, как
говорится.